

ВНЕ
ЗАКОНА

Чингиз
Абдуллаев

В очереди за смертью
не бывает последних.

КРЕДО
НЕГОДЯЕВ

Дронго

Чингиз Абдуллаев

Кредо негодяев

«PEN-клуб»

1995

Абдуллаев Ч. А.

Кредо негодяев / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб»,
1995 — (Дронго)

Сотруднику МВД, внедренному в «русскую мафию», грозит разоблачение. На помощь ему посылают легендарного эксперта-аналитика Дронго. В головокружительной по своему размаху операции Дронго приходится не раз глядеть в глаза смерти, только отточенные профессиональные навыки и мужество позволяют ему продолжать схватку.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	23
Глава 5	27
Глава 6	35
Глава 7	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Чингиз Абдуллаев

Кредо негодяев

Глава 1

Оглянувшись в последний раз, он вошел в дом. Он заранее предупредил о своем визите, и у дверей его встретили двое хмурых парней. Обыскивали они его тщательно, словно заранее подозревая, что он может утаить от них оружие. Конечно, оружия с собой он не взял. Рябой был чрезвычайно осторожен и не в меру предусмотрителен, ему могло не понравиться внезапное появление старого знакомого с пистолетом в кармане. Ничего не найдя, ребята расступились, и он медленно поднялся на второй этаж. Спешить было нельзя. Здесь не любили суетливых людей.

* * *

На втором этаже его ждала еще одна проверка. Он знал этого типа. Они работали вместе еще в России, когда убирали одного настырного бизнесмена из Греции, так толком и не поняв-шего, почему в этой стране всем нужно платить. Но это было даже хуже, так как проверяющий не любил оставлять свидетелей своего мастерства, а он, в свою очередь, не любил таких мерзавцев, готовых без всякого сожаления убирать старых знакомых. Проверяющего звали Матросом за огромный якорь, когда-то вытатуированный на его груди. На флоте Матрос никогда не служил, но любил носить тельняшку и уже вышедшие из моды брюки клеш. И всегда отличался какой-то особой, изощренной жестокостью. Пришедшего в этот день посетителя он знал давно, почти десять лет. Но это не помешало ему вновь проверить прибывшего, аккуратно ощупывая гостя кончиками своих грубых, коротких пальцев. Лишь убедившись, что посетитель не имеет с собой ничего лишнего, он криво улыбнулся и только тогда сказал:

- Давно тебя не видели, Цапля.
- Люблю гулять. – Он всегда не терпел Матроса и никогда этого особенно не скрывал.
- В этот раз что-то долго гулял. – Матрос тоже не испытывал особой симпатии к гостю.
- Это когда как получается. Рябой у себя?
- Он тебя ждет, проходи.

В комнате, куда он вошел, стоял полумрак. Рябой не любил яркого света. Об этом было известно всем его посетителям. Обгоревший когда-то в лагере под Новосибирском во время грандиозной разборки, устроенной паханами зоны, он с тех пор не терпел взглядов, обращенных на него, и яркого солнечного света, предпочитая полутемные помещения, где он чувствовал себя комфортнее и спокойнее. Правда, не так много людей осмелились бы смотреть на него в упор, зная, что он этого не выносит. Перебравшись в Америку два года назад, он по-прежнему оставался некоронованным королем мафии, одним из тех авторитетов, к которым прислушивались по обе стороны океана.

Комната, в которую вошел гость, выходила окнами в небольшой сад, расположенный во внутреннем дворе дома, окруженного высокими стенами, словно предназначенными для того, чтобы выдержать длительную осаду. Рябой приобрел этот дом совсем недавно, решив перебраться из шумного Бруклина, где он обитал первое время после приезда, в более спокойный Хартфорд, на окраине которого он и приобрел свое новое жилище.

Вошедший гость даже чуть прищурился после яркого солнечного дня, царившего за стенами этого дома, глаза с трудом выносили неприятный полумрак довольно большой гостиной.

– Как добрался? – услышал гость насмешливый голос хозяина дома и только тогда заметил сидевшего справа от дверей в глубине комнаты самого Рябого. Несмотря на свои шестьдесят лет, хозяин дома сохранял удивительно молодой, сильный голос, словно все прожитые годы он провел на курортах Майами-Бич, а не в колониях усиленного режима.

– Нормально, – гость знал, что в этом доме нельзя быть особенно откровенным. Сама атмосфера не располагала к болтливости.

– Что-то долго ты добирался до наших мест, – насмешливый голос хозяина неприятно бил по нервам, – неужели найти не мог или не хотел?

– Пришлось выбираться из России через Беларусь, Польшу и Чехию. А потом еще на немецко-чешской границе довольно долго сидел, визы ждал. У них какое-то соглашение вступило в силу, и немцы усилили проверку на границах. А потом уже из Германии прилетел к вам сюда.

– А в Германии где жил?

Гость, по-прежнему стоя, отвечал на вопросы. Разрешение сесть он пока не получал.

– В Кёльне жил в отеле «Людвиг», – быстро ответил гость, он знал, что такого рода проверки обязательно будут, – а в Гамбурге в гостинице «Святого Рафаэля», прямо в центре города.

– Там, кажется, собираются педерасты? – спросил Рябой, насмешливо давая понять гостю, что знает о его путешествиях довольно подробно.

– Может быть, – угрюмо ответил гость, – они меня как-то мало интересовали.

– Эх, Цапля, умный ты парень, я всегда это говорил. Только чересчур умный. Ну как я могу тебе доверять, если ты неизвестно где шлялся два месяца. Насчет Германии, положим, ты говоришь правду. Там наши ребята тебя сразу засекли, а вот что ты делал в Минске, Варшаве и Праге, я не знаю. Может, ты с моими конкурентами вместе лясы точил, может, сговаривался с ними, а может, даже решил гонорар за новую работу взять, на этот раз очень большой гонорар, и разом покончить со всеми проблемами. Может быть такое?

– Зачем много говорить, Рябой? Ты меня давно знаешь. Я всегда только на тебя работал. Если не хочешь принимать, так и скажи, я уйду. Ты ведь знаешь, что со мной твои конкуренты сделают, если поймают. Много крови за мной, Рябой, и всякого другого тоже много. Поэтому идти мне некуда. Или ты меня примешь, или я уйду. Не веришь мне – проверь в деле, как обычно. Тогда и решай.

– Красиво говоришь, Цапля, ты всегда умел хорошо говорить. Только слушок тут один ходит, насчет русского одного. Говорят, приехал в Прагу и проиграл двести тысяч долларов в казино. Не знаешь, кто из наших мог оказаться там?

– Не знаю, – он впервые пожалел, что переступил порог этого дома. Но теперь нужно было все отрицать, иначе он просто не уйдет отсюда живым. Служащие в казино не смогут его опознать. Он всегда ходил в такие места, неузнаваемо гримируясь. Цапля был профессиональным убийцей, и от умения изменять свою внешность часто зависело выполнение заказов клиентов и в конечном итоге – собственная жизнь.

– А в Варшаве кто документы тебе готовил? Не припомнишь?

– Кшиштоф. Мне пришлось его попросить.

– А не побоялся? Он ведь на польскую полицию одновременно работает. Мог вполне сдать тебя полякам. Не побоялся?

– У меня выхода другого не было, Рябой. И никаких документов с собой тоже не было. Пришлось рискнуть.

– Рисковый ты парень, Цапля. Связного моего, которого к тебе послал в Россию, взяли. Слышал?

– Слышал. Там накладка получилась, нас какой-то старик подслушал. Не повезло ему, прямо на вокзале взяли. С деньгами.

– А сколько там денег было? – спросил хозяин дома как бы невзначай. Но гость сразу насторожился. Это был самый важный вопрос, от правильного ответа на который зависела его собственная жизнь.

– Двести тысяч долларов. Я их в чемоданчик положил в камере хранения. И шифр ему сказал. А потом только узнал, что наш разговор какой-то старичок слышал. Вообще такого не бывает, это я понимаю, но так получилось. Можешь проверить, все было так, как я рассказал.

– Уже проверил, Цапля. Думаешь, так я с тобой бы и встретился. Мои люди мне из Москвы давно все передали. Будь ты хоть немного замазан в этой истории, так тебя прямо в Германии бы и порешили. Про старичка все знают. Бывает в жизни такое, когда сам не знаешь, отчего на сук напоролся. И насчет Кшиштофа тоже все знаю. Не побоялся, значит, ты с ним встретиться. А потом ко мне заявиться. А ведь знаешь хорошо, как я к этой гниде относился. Значит, либо расчет тут хитрый, либо ты действительно ни в чем не замешан. Пока ничего сказать не могу, кругом, выходит, чист ты перед нами. Но это только пока. Проверять все равно будем. Понимаешь?

– Как хочешь, Рябой, не доверяешь – выгони, а доверяешь – проверь в деле.

– Будет тебе проверка, Цапля. И дело важное хотим поручить тебе. Но только учти, кроме меня и тебя, о нем никто знать не будет. Здесь старичков нет, проверено. Так что если кто узнает, я все пойму правильно. Понимаешь?

– Ясно.

– Садись, – пригласил наконец гостя хозяин дома, и тот вздохнул с облегчением. Кажется, ему удалось выкрутиться и на этот раз. После крупного проигрыша в пражском казино, где сначала ему шла такая прекрасная карта и он совсем было поверил в свою удачу, внезапно все поменялось, и он проигрался вчистую.

Игра была его страстью, его тайным влечением, о котором не знал никто из окружающих. Собственно, только ради игры он и рисковал жизнью, зарабатывая деньги таким не совсем естественным способом. Когда ему удалось внезапно получить в Москве крупную сумму денег, казалось все – удача наконец улыбнулась ему. Нужно завязывать со своей прошлой жизнью, но крупный проигрыш в Праге перечеркнул все надежды. Пришлось возвращаться к прежней работе и с риском для жизни ехать сюда, в маленькую провинциальную столицу небольшого штата Коннектикут, на свидание, которое вполне могло оказаться последним. Хотя на этот раз, кажется, он все-таки проскочил. Если не считать крупного проигрыша в казино, все остальное, рассказанное им, действительно соответствовало истине, и он знал, что даже при самой тщательной проверке все факты совпадут. Беспокоило лишь казино в Праге, но и здесь он подстраховался довольно необычным способом. Уже имея на руках паспорт с американской визой, он все-таки умудрился по своему старому паспорту, где стояла многократная чешская входная транзитная виза, вернуться в Прагу и довольно чисто убрать того импозантного крупье, так неприятно улыбающегося при крупных проигрышах заезжего иностранца. Обычно он убивал ради денег. И всегда считал это грязной и тяжелой работой. А здесь он, пожалуй, впервые убил не только ради собственного спокойствия, но и с некоторым удовольствием, словно отомстив таким необычным образом за свой крупный проигрыш. Только после этого он принял наконец решение лететь в Америку.

Остальные гости и служащие казино беспокоили его гораздо меньше. Трудно было узнать в сравнительно молодом, подтянутом, гибком человеке того вальяжного, седого, с пышными густыми усами иностранца, который проиграл в казино огромную сумму денег. Он правильно рассуждал – запомнить его мог только крупье, отлично помнивший и его руки. Можно подделывать все что угодно, можно изменить голос, походку, внешность, но нельзя изменить манеру игры, манеру держать карты, открывать их в минуту сильнейшего нервного стресса, нельзя изменить свои руки и главное – свои пальцы. А крупье обычно бывают очень внимательны именно к таким мелочам.

– Догадываешься, на какое дело ты понадобился? – спросил Рябой у гостя, уже вполне освоившегося в полутемной комнате и даже различавшего некоторые черты хозяина дома, сидевшего в другом конце комнаты. Только теперь гость с удивлением заметил огромную овчарку, лежавшую у ног хозяина и внимательно следившую за вошедшим в комнату незнакомцем. Животное было прекрасно обучено. Собака лежала на полу, не выказывая никаких признаков раздражения. Она даже не шевельнулась, когда вошел гость, ничем не обнаруживая своего присутствия.

– Убрать кого-нибудь нужно? Или опять куда-нибудь ехать? – спросил гость.

– Какой догадливый ты у нас. Только учти, на этот раз у тебя клиент особый будет, не такой, как раньше. С ним про старичков лучше забудь. Иначе сразу засветишься, и тогда тебе каюк.

– Он так опасен, – понял гость, – из профессионалов?

– Ты даже не можешь представить, с кем ты будешь иметь теперь дело. Я тут немножко подумал и решил, что, кроме тебя, никто не подходит. Он слишком умен, а ты у нас мастер на всякие выдумки, умеешь придумывать разные гадости куда лучше нашего. Если бы не он, я бы тебя ни за что сегодня не принял. Ты ведь и там сильно нас подвел, сбежал из Москвы, не сумев убрать клиента. И после этого ты посмел появиться здесь. Теперь у тебя есть шанс, Цапля, хороший шанс. И деньги большие будут, и доверие наше сумеешь вернуть. Ну как, согласен?

– Что делать нужно?

– Скоро сюда, в Америку, приедет один типчик. Мы могли бы его сразу в расход, но нельзя, нам связи его важны, люди, с кем он встречаться будет. Вот ты и должен взять на себя этого типчика.

– Убрать нужно? – не понял гость.

– Для этого головы не нужно, – раздраженно отмахнулся хозяин дома, – тогда на кой черт ты мне нужен, я бы мог Матроса послать, и гостю каюк. – Рябой любил слово «каюк» и часто им пользовался в разговоре. – Здесь его связи важны, его люди, живущие в Америке. Убивать его никак нельзя. Наоборот, ты его охранять должен. Чтобы с ним, не дай Бог, ничего не случилось. А вот его людей, с кем он встречаться будет, ты убирать должен. Или, если сам не справишься, нам звякнешь, мы подсобим. Но только ты гостя не трогай. Пусть он погуляет сколько хочет, и только потом мы его брать будем.

– А с кем он будет встречаться? – спросил гость.

– Еще один такой вопрос, и я пожалею, что вообще решил иметь с тобой дело, Цапля. Ты совсем думать разучился. Может, и старичок тот неспроста появился. Теряешь квалификацию, а ведь каким специалистом ты был. Если бы я знал, с кем он будет встречаться, разве просил бы тебя следить за ним? Каюк был бы и ему, и его людям. Но ведь не знаю, поэтому тебе и поручаю следить за ним.

– Он из наших или из «мусоров»?

– Это уже теплее. Кагэбэшник он, сука. Хотя мне объясняли, что в КГБ он не служил. Просто помогал им по мере надобности. Какой-то эксперт международный. Но с ними связан был, это точно.

«А при чем тут мы?» – хотел спросить гость, но вовремя удержался. Двух глупых вопросов подряд Рябой не прощал. Поэтому свое удивление нужно было держать при себе.

– Известно, когда он приезжает? – вместо этого спросил гость.

– Кое-что известно, – усмехнулся хозяин дома, – не в тайге живем, Цапля, людей проверенных везде имеем. Хотя и в тайге бывали. Мы ведь с тобой, кажись, вместе баланду хлебали тогда. Ты еще в зоне совсем молодой был, но выбор правильный сделал. Мы тогда все вместе были на лесоповале. И там тоже своих людишек имели. Помнишь ведь, как Лося брали?

Гость помнил эту историю очень хорошо. Тогда они сидели всей компанией в глухом сибирском лагере для особо опасных рецидивистов. Один из заключенных – бывший ураль-

ский лесник, браконьер и убийца по кличке Лось, решил серьезно поспорить за лидерство в лагере с тщедушным на вид Рябой. Никто так и не узнал, чего не поделили между собой эти двое, но про их жестокое противостояние скоро знали почти все сибирские лагеря. В одном лагере двум таким авторитетам стало тесно. Исход был ясен – один должен был умереть. Не помог даже перевод в их зону нескольких авторитетных воров в законе, которые должны были разрешить спор между двумя непримиримыми врагами. На лесоповале он и был разрешен. Подробности встречи никто толком не знал, но все говорили, что их было двое – Рябой и Лось. Вечером в барак вернулся только Рябой. Его соперника нашли зарезанным, и с этого момента вопрос о лидерстве в лагере был решен окончательно. Подробности той встречи знал, кроме Рябого, только один человек. И теперь он сидел перед ним.

– Он приедет в Америку через неделю. Наверно, через Нью-Йорк. Но вот его фамилию мы точно установить пока не можем. Мы лишь знаем человека, с которым он наверняка встретится в Нью-Йорке. Твоя задача вычислить его и уже не упускать до конца его американского визита. И только перед самым концом, перед самым концом ты можешь его ликвидировать. Только тогда, и ни одним днем раньше. Твоя главная задача – его связи, его люди.

– Известно, кто его присылает? – Этот вопрос он просто обязан был задать, иначе будет невозможно преследовать незнакомца.

– Если бы я все знал, зачем мне такой опасный помощник, как ты? – спросил Рябой. – Ты и должен все выяснить.

«Что-то он недоговаривает, – понял гость, – и по-прежнему не совсем доверяет». Ну и черт с ним. Работу дает, и то хорошо, а об остальном он позаботится лично.

– Цена? – спросил он уже привычным деловым голосом.

– Если все сделаешь нормально, сто тысяч баксов получишь. Захочешь, можешь даже отвалить после этого.

Гость с трудом удержался от удивленного восклицания. Так дорого ему никогда в жизни не платили. Ни за одно, даже самое сложное, дело. Только услышав цену, он понял весь масштаб сложностей предстоящей работы. И проникся даже невольным уважением к незнакомцу, за поиск которого Рябой готов выложить такие деньги.

– Давайте имя его связного, – уже более решительным голосом попросил Цапля.

– Все в этом конверте. Прочтешь и уничтожишь прямо при мне. Возьми, – протянул гостю конверт хозяин дома.

На поднявшегося незнакомца пес отреагировал почти мгновенно. Он поднял голову и глухо заворчал. Гость сделал два шага вперед, и пес легко вскочил на ноги. Правая рука хозяина привычно легла на его голову, и он замер, повинаясь требовательному и хорошо знакомому жесту. Левой рукой хозяин протянул конверт. Собака, уже не сдерживаясь, зарычала, но гость, вернувшийся на свое место, перестал обращать на нее всякое внимание. Все внимание его теперь было приковано к нескольким листкам, исписанным крупным почерком хозяина дома. Это удивило гостя более всего остального.

«Он сам переписывал эти данные, – изумленно подумал гость, – значит, действительно не доверяет никому. Кто же такой этот незнакомец, если Рябой сам решил переписывать данные его связного? И при чем тут КГБ? Определенно Рябой чего-то недоговаривает. А спрашивать нельзя. Может разозлиться, и тогда будет еще хуже».

– Все ясно, – сказал он громко, – я все запомнил. А конверт я оставлю на столе, может еще пригодиться.

– Тогда иди, – разрешил его собеседник, – и помни: обо всем знают только два человека – ты и я. Деньги на расходы ты получишь.

– До свидания, – гость чуть быстрее обычного покинул так неприятно бьющую по нервам затемненную комнату. Читая бумаги, он с трудом различал написанное, но не осмелился попросить включить свет.

Только после того, как мягко закрылась дверь, хозяин повернул голову влево и негромко спросил:

– Что ты думаешь о нем?

Чуть скрипнула небольшая дверь, и в комнату вошел еще один человек. Он был среднего роста, коренастый, почти без шеи.

– Вы ему верите? – прохрипел он.

– У меня нет другого выхода. Он действительно самый лучший среди всех наших людей. Для наблюдения за нашим гостем я просто не смогу найти лучшего человека.

– Но он вас обманывает. Вы думаете, крупье в Праге исчез просто так?

– Конечно, нет. Этот дурачок решил предусмотреть все варианты и убрал крупье, который мог его опознать. И этим выдал себя еще вернее, я ведь сразу понял, что это его почерк. Но он нам пока нужен. Он будет следить за гостем, а ты пойдешь по его следу. Только учти, Цапля не фраер какой-нибудь, с ним нужно быть осторожнее. А в самом конце, перед выплатой, можешь убрать и его. Номера банкнот сумели проверить?

– Конечно, проверили. В Праге расплачивались теми же деньгами, которые обнаружены на вокзале в Москве. Одна и та же серия. Это был он, никаких сомнений, Рябой, быть не может.

– Значит, он нас все-таки обманул, – задумчиво произнес хозяин дома, – жаль. Я думал, он умнее.

Глава 2

Он давно забыл, когда нормально отдыхал и где это было. Может, только единственный раз, в октябре восемьдесят второго, когда они выбрались в Прибалтику, решив отправиться туда вдвоем со своим бывшим сокурсником. Они получили свои первые отпускные в жизни, зарплату за последний месяц и имели на двоих более двух тысяч рублей, по тем временам деньги огромные. Отправившийся с ним в эту поездку приятель работал к этому времени инспектором уголовного розыска в МВД. О характере работы самого Дронго он мог только догадываться. Хотя тогда не было еще Дронго, и он числился всего лишь офицером Министерства обороны на одном из закрытых предприятий, которые в бывшем Советском Союзе почему-то называли «почтовыми ящиками».

Тогда, в первый и единственный раз, он действительно отдыхал целый месяц, не думая ни о каких проблемах. Единственный раз в жизни. В этом было что-то роковое, мистическое. Товарища убили через полгода, во время ареста кого-то из торговцев наркотиками. Убили глупо, обидно, какой-то случайной пулей, попавшей в него во время вялой перестрелки. Через год ему уже не дали положенного отпуска, а затем все вообще неузнаваемо изменилось. Больше не было Советского Союза, больше нельзя было отдыхать в Прибалтике, переезжая из города в город. Независимые государства теперь требовали визы, а тысяча рублей составляла всего двадцать центов на момент его воспоминаний и продолжала падать в цене. Теперь эту сумму давали в лучшем случае только нищим. Тогда, после их возвращения домой, на следующий день умер Генеральный секретарь ЦК КПСС, чьим именем позднее назвали время застоя. И в этом тоже было нечто символическое, словно означавшее конец целой эпохи и рождение новой.

В этой новой эпохе были свои сложности и свои особые отношения между людьми. Время проходимцев, демагогов и авантюристов, наступившее после эпохи прагматиков, приспособленцев и дураков, имело свои ярко выраженные черты, так зримо проявившиеся в период драматического распада огромной империи. Но для него восьмидесятые годы были периодом становления, а наступившие девяностые несли в себе страшный заряд разочарования. Ставший в тридцать пять лет фактически пенсионером без права на заслуженную пенсию, инвалидом с серьезной душевной травмой, никому не нужным высокочлассным специалистом, он нашел в себе силы вернуться и теперь довольно часто помогал в качестве своеобразного консультанта международному комитету экспертов ООН, специалистам и национальным бюро Интерпола на местах, а также выполнял иногда довольно деликатные поручения российских спецслужб, по-прежнему считавших его одним из своих бывших сотрудников, волею судеб внезапно оказавшихся иностранцами. Таких, как он, осталось еще несколько человек, внезапно оказавшихся за государственными границами привычной среды обитания, на положении почти изгоев в собственных странах.

Лишь единицам удавалось приспособиться к новой и весьма болезненной для себя обстановке. Особенно тяжело приходилось пожилым профессионалам, проживающим в независимых Прибалтийских государствах. Из заслуженных, уважаемых ветеранов они внезапно превратились в подозрительных пособников и агентов разведки враждебного соседнего государства. Немногие могли выдержать подобное, предпочитая либо эмигрировать из родного государства, обрывая все связи, либо, если позволяли обстоятельства, оставаться на своих местах, практически отходя от всякой активной жизни и мрачно замыкаясь в себе. Для таких людей распад огромной империи оказался наиболее болезненным и катастрофическим взрывом, опрокинувшим всю их прежнюю жизнь.

В этот день он собирался в Санкт-Петербург, который очень любил, когда тот еще был Ленинградом, но неожиданный телефонный звонок в номер гостиницы, где он разместился,

только приехав в Москву, изменил все его планы. Пришлось тащиться почти через весь город, меняя попутные автомобили, чтобы добраться до нужного места.

Здесь его уже ждали. Каждый раз встречаясь с представителями российской разведки, он испытывал непонятное чувство собственной неполноценности. Словно совершал акт предательства по отношению к собственному народу, только теперь обретающему подлинную государственность и суверенитет. Но ведь горький парадокс сложившейся ситуации как раз и состоял из того важного обстоятельства, что такие, как он, профессионалы были просто не нужны собственным государствам, традиционно подозрительно относившимся к бывшим сотрудникам спецслужб. И хотя в бывшем огромном государстве он был всего лишь экспертом ООН специального комитета экспертов по предупреждению преступности, это ничего не меняло. В независимых государствах не было места таким, как он, профессионалам: дипломатам, разведчикам, экспертам – всем, чья деятельность была связана с работой за рубежом и координировалась центральными аппаратами бывшей страны. А вот бывшие государственные чиновники и партийные функционеры национальных республик чувствовали себя вполне уверенно, мгновенно перекрашиваясь в убежденных националистов и вечных борцов за демократию и свободу.

– Добрый вечер, Дронго, – сказал ему незнакомец, и с этого все началось. Он не знал раньше этого моложавого, лет пятидесяти, уверенного в себе красивого человека с безукоризненно уложенными седыми волосами, словно пять минут назад вышедшими из рук парикмахера. Незнакомец был похож на голливудских актеров, а своими безукоризненными манерами и приятным голосом он напоминал хорошо вышколенного дипломата.

– Кажется, это единственные приятные слова, которые я обычно слышу от ваших коллег, – пошутил Дронго.

– Возможно, – незнакомец мягко улыбнулся. Он оценил шутку.

– Что опять случилось? – спросил Дронго. – Надеюсь, в этот раз меня не пошлют выкрасть английскую королеву или найти двойника для Хиллари Клинтон?

– Кажется, у вас несколько преувеличенное мнение о наших возможностях, – заметил незнакомец, на этот раз не улыбаясь, – да и свои способности вы несколько преувеличиваете.

– Слава богу, значит, ничего серьезного, – юмор помогал ему всегда в самых сложных ситуациях.

– Я бы так не сказал, – незнакомец, кажется, не шутил, – простите, я не представился. Можете называть меня Алексеем Александровичем. Как зовут вас, я знаю. Знаю даже, что вы не любите, когда вас называют по имени и предпочитаете свою столь необычную кличку – Дронго.

– Почему необычную? – как ему надоело с этим вопросом. – Я видел эту птичку в Азии. Она ничего не боится, несмотря на свои размеры, а это, по-моему, самое важное в нашем деле.

– Да, – удивился Алексей Александрович, – я этого не знал. Но в любом случае это ваше личное дело. Должен сказать, что меня предупредили и о вашем последнем задании. И о вашем нежелании сотрудничать с нами в дальнейшем. Это верно?

– Мне не нравится само слово «сотрудничать». Словно вы вербуете «шестерку» в зоне, чтобы стучал на своих товарищей. Это там, в зоне, предлагают «сотрудничать». А я с вами работаю. Это совсем разные вещи. Надеюсь, вы меня понимаете?

– Я не хотел вас обидеть, – смутился Алексей Александрович, – извините.

– Ничего, будем считать, что мы просто определились перед началом нашего разговора. Это важно для дальнейшей работы.

– Да, конечно. Перед началом нашей беседы будьте любезны ответить на один вопрос. Вы по-прежнему сотрудничаете с экспертным комитетом ООН?

– Это важно для нашей сегодняшней встречи?

– Думаю, да.

- Тогда и я задам вопрос. Зачем вы спрашиваете? Вам же все известно.
- Вы не ответили на мой вопрос, – терпеливо напомнил Алексей Александрович.
- Сотрудничаю. И даже встречался с их представителем в Москве.
- Все верно. Мы так и думали. Вы встречались с Владимиром Владимировичем?

– Это уже второй вопрос, – заметил Дронго, – впрочем, я удовлетворен. Вы невольно ответили и на мой вопрос. Зачем вы еще спрашиваете, если вам все известно? Насколько я понимаю – координация с Интерполом предполагает активные действия и в странах СНГ. Разумеется, ничего необычного или шпионского в моей деятельности не было. Мы занимались торговцами наркотиками, чем обычно и занимаются Интерпол и специальный комитет экспертов ООН, пока им не мешают различные ведомства.

Намек был слишком очевидный, чтобы его не понять. Но его собеседник не обиделся. Он обладал каким-то особым запасом терпения.

– Мы знаем о вашей работе, Дронго, – спокойно сказал он, – и высоко ценим вашу деятельность по борьбе с международными кланами мафии и торговцами наркотиками. Вы делаете очень важное и нужное дело. Но именно поэтому мы и решились пригласить вас для нашей беседы. Нам нужна ваша помощь.

– Теперь другое дело. Я готов сделать все, что смогу.

– Вы знаете этих людей? – Алексей Александрович положил на стол несколько фотографий.

Дронго внимательно всматривался в лицо каждого.

– Некоторых знаю, – наконец ответил он, – вот это сам Гурам Хотивари, руководитель грузинской мафии. Самый, пожалуй, опасный человек в Москве. Это небезызвестный Рафаэль Багиров, руководитель азербайджанской мафии. Говорят, он сумел одним ударом уничтожить всех своих конкурентов не только в Москве, но и в Баку. Этого, кажется, видел тоже. Только на фотографии. Артур Саркисян, глава «Континенталь-банка» и по совместительству руководитель армянских группировок в России. Говорят, один из богатейших людей мира. По-моему, эти же фотографии я раньше видел в Интерполе, они есть и у Владимира Владимировича. Видимо, вы печатаете их в одной и той же типографии?

– Нет, у нас свои источники информации, – ответил Алексей Александрович, – и своя типография. Вот это Виталий Миронов, ставший главой крупного преступного объединения подмосковных славянских групп после смерти Бориса Лазарева. А это сам Рябой – некоронованный король преступного мира. Неужели вы не видели раньше этой фотографии? Правда, он не любил сниматься, но уж слишком запоминающееся лицо.

– Я думал, он был убит в Москве, в прошлом году.

– Многие так считают. Дело в том, что произошла элементарная путаница. В преступном мире Москвы был известен еще один Рябой, мелкая сошка, связной, через которого заказывали киллеров для особо важных дел. По нашим сведениям, этот второй Рябой был связан с афганскими ветеранами, среди которых был и знаменитый однорукий киллер. Никто не мог его заподозрить, а он был одним из самых лучших специалистов своего дела. Однажды наш второй Рябой решил поиграть в грязные игры и сдал своего киллера его клиентам. Как вы понимаете, его сразу вычислили и в этот же день застрелили¹.

– Я слышал об этом случае.

– Да, вот поэтому многие путают, убитый Рябой был всего лишь связным, мелким исполнителем. А вот этот Рябой совсем другое дело. Он фактически руководит огромной преступной империей, раскинувшейся от Москвы до Нью-Йорка. Это именно он решил бросить тогда вызов кавказским группировкам и попытался отнять у них так называемый кавказский коридор, через который переправлялись наркотики в Турцию и Европу. Но тогда у него сорва-

¹ Подробнее об этом в повести «Мое прекрасное алиби».

лось. Он встретил организованное сопротивление всех трех кланов и вынужден был отступить. Правда, тогда его людям удалось нанести ряд ощутимых ответных ударов. Были убиты Михо – Михаил Мосешвили и Велосипедист – Арчил Гогия, но большего ему добиться не удалось. А противники, в свою очередь, умудрились убрать самого Бориса Лазарева, депутата Государственной думы и фактического представителя Рябого в Москве. Вы наверняка помните это нашумевшее дело. Лазарева застрелили прямо в здании Государственной думы.

Дронго кивнул головой. Еще бы ему не помнить такого преступления. Об этом писали в те дни все газеты, и не только в России.

– Таким образом на сегодняшний день сложилось примерное равенство сил двух крупных объединений враждующих группировок – противники договорились не враждовать друг с другом и сохранять нейтралитет, хотя, как вы сами догадываетесь, этот нейтралитет не может длиться очень долго.

– Слушая вас, я пытаюсь представить – зачем вы мне это говорите? – спросил Дронго. – Такими проблемами и без того занимаются Интерпол и МВД. Вам мало своих проблем?

– Примерно на такую реакцию мы и рассчитывали, – чуть улыбнулся Алексей Александрович, – дело в том, что вы правы. Нас действительно мало интересуют разборки между разными группами, если бы не одно обстоятельство. В последнее время в Америку перебралось слишком много преступных авторитетов. Более двух десятков бывших воров в законе. И все они получили американские визы, перед тем как покинуть нашу страну. Или почти все, и это при том обстоятельстве, что очень много наших соотечественников не могут получить визы даже для туристической поездки в США. Вы улавливаете мою мысль?

– Вы считаете, что здесь есть какая-то система? – понял Дронго.

– Безусловно. Легче всего было бы объяснить подобное продажностью американских чиновников, не замечающих слишком очевидных фактов. У некоторых из переехавших целый набор статей Уголовного кодекса, тем не менее они благополучно прошли собеседование в американском посольстве. Нас заинтересовала подобная благожелательность консульских сотрудников посольства, и неожиданно мы выяснили, что среди переехавших в Америку оказались и те, кто решил добровольно сотрудничать с ЦРУ. Это была как бы плата за услугу. Разумеется, нельзя было принимать только «своих». И тогда решено было разбавить их несколькими «старичками», чтобы не подводить своих людей. Это не касается Рябого, он как раз переехал из Австрии. Но вот среди других оказались те, которые согласились заплатить такую цену.

– А вы давно разгадали подобную комбинацию? – внезапно спросил Дронго.

– Полтора года назад, – ответил Алексей Александрович, – а почему вы спрашиваете?

– И с тех пор вы не попытались использовать этот прием против них? – Он смотрел в глаза своему собеседнику.

Тот отвел глаза. Чуть помолчал, а затем сказал:

– Будем считать, что вы меня ни о чем не спрашивали. С вами трудно разговаривать, Дронго. Вам этого никто не говорил?

– Меня столько раз подводили и подставляли, что поневоле приходится быть таким. А вы разве об этом ничего не слышали?

Алексей Александрович явно смутился. Он понимал, о чем говорил Дронго, и ему было не совсем приятно говорить на эту тему. Но он все-таки ответил:

– Я не хотел бы свалить все на прежний аппарат КГБ. Тем более что я работал еще тогда, когда наше ведомство так называлось. Во всяком случае, вы как профессионал должны понимать, что иногда какие-то интересы требовали нетрадиционного решения поставленной задачи.

– Красиво, – быстро произнес Дронго, – и главное, очень убедительно. После этих слов я должен встать, откланяться и уйти.

– Что-то мешает? – перешел в наступление Алексей Александрович.

– Какое-то дурацкое чувство солидарности. Ведь заранее знаю, что всей правды вы мне все равно не скажете. Что в удобный момент с удовольствием подставите. Что я даже не гражданин вашей страны. Но какое-то дурацкое чувство ответственности и, если угодно, долга, неизвестно перед кем и почему, мешает мне уйти отсюда. Раньше я хоть представлял, что у меня есть Родина. Сейчас есть кусочки, поделенные между бывшими партийными функционерами.

– И все-таки вы останетесь?

– И все-таки остаюсь.

Почти минуту они молчали. Первым не выдержал его собеседник.

– Давайте ближе к делу, – предложил Алексей Александрович. – После того, как мы это поняли, мы, конечно, несколько скорректировали наши действия. Но процесс продолжался. Американцы охотно принимали у себя известных авторитетов, предоставляя им свои визы в обмен на информацию, которая позволяла более успешно бороться против мафии в собственной стране. Я не хочу сказать, что все переехавшие в Америку бывшие преступники стали осведомителями ЦРУ или ФБР. Но что среди них есть и такие – теперь уже не вызывает сомнений.

– Это я уже понял, но пока не вижу связи с вашей деятельностью.

– Связь самая прямая. За последний год нашу страну покинули шесть крупных авторитетов, переехавших вполне легально, на законных основаниях в Америку. Среди них есть человек, нахождение которого в Америке нам крайне важно, но есть и другой человек, типичный сукин сын, собственно, чего можно было ждать от рецидивиста. Нам он врал, как и все остальные, соглашаясь на любые условия, чтобы сбежать отсюда и получить зарубежный паспорт. Американцам, в свою очередь, тоже врал, пытаясь получить визу для въезда в страну. Но главное не в этом. Попав в Америку, этот сукин сын быстро сообразил, как можно сделать огромные деньги. Каким-то образом ему удалось узнать фамилии всех шестерых авторитетов, переехавших за прошлый год в Америку. И, представьте себе, он сразу понял, на какую золотую жилу вышел. Он правильно сообразил, что мы выдали шестерым зарубежные паспорта только для того, чтобы переехал один из этой шестерки. Остальные попали в Америку всего лишь в качестве прикрытия нашего агента. И теперь представьте, что делает этот негодяй. Он начинает шантажировать наше посольство в Вашингтоне.

– Не понял.

– Он прислал письмо, в котором требует миллион долларов наличными. Иначе он расскажет в ЦРУ о попытке своей вербовки и выдаст фамилии всех шестерых. Среди которых действительно есть наш человек. Представляете, что он придумал?

– Смешно. – Дронго даже не попытался улыбнуться.

– Да, очень смешно. Вы представляете, в какую ситуацию мы попали? Мы готовили нашего человека для отправки его в Америку пять лет. Операция планировалась еще в бывшем СССР. Все было учтено до мелочей, и вдруг такая неприятность. Вы понимаете, чем все это может закончиться?

– Вы не знаете, кто из шестерых прислал это письмо?

– Почему из шестерых? Из пятерых, шестой – наш человек.

– А если именно ваш человек и является шантажистом? Такой вариант вы полностью исключаете?

– Полностью. Дело в том, что мы решили устранить возникшую проблему несколько... в общем, традиционным способом. Мы отправили туда нашего специального представителя. Он должен был войти в контакт с отправителем анонимного письма и очень быстро, а главное – тихо устранить этого типа. Но все сорвалось. Каким-то образом все случилось наоборот.

– Вы потеряли своего человека, – понял наконец Дронго. Конечно, все правильно. На проведение обычной операции не требовалась его квалификация.

– Его убили, – сухо подтвердил Алексей Александрович.

– И вы опять не смогли ничего узнать?

– Вот именно. И тогда мы решили нанести ответный удар. Нам понадобится помощь такого профессионала, как вы, Дронго.

– И какую очередную гадость вы придумали?

– Мы сообщили по нашим каналам Рябому, что в Америку должен скоро прилететь эмиссар враждебных группировок. Кавказские группы ищут союзников в Америке, чтобы окончательно свалить Рябого. Такова наша версия. Для этого приехавший эмиссар должен встретиться с наиболее авторитетными преступниками, прибывшими в США за последнее время. Таким образом мы умудряемся, во-первых, объяснить ЦРУ и ФБР, почему прибывший из Москвы эмиссар проверяет всех воров в законе, во-вторых, вывести на них рассерженных людей Рябого, которые наверняка сумеют установить, кто именно изъявил желание стать доносчиком по совместительству. И наконец, в-третьих, мы легче находим этого сукина сына. Но для этого придется проверить всех пятерых и вычислить отправителя письма, подонка, застрелившего нашего связного. Вы меня понимаете?

– А кто будет этим эмиссаром? – очень мягко уточнил Дронго.

Алексей Александрович промолчал вновь, и Дронго наконец рассердился.

– Только не пытайтесь послать меня, – свирепо произнес он, – только этого мне и не хватало. Выполнять ваши поручения, разыскивая неизвестного негодяя. И плюс еще бандиты на хвосте. Изумительная перспектива, просто настоящее райское блаженство.

– У нас нет другой кандидатуры, – тихо сказал Алексей Александрович, – вы в данном случае подходите лучше всех. Только вы и сможете вычислить этого негодяя.

– А если он сумеет оказаться проворнее и в этот раз?

Вместо ответа Алексей Александрович достал еще одну фотографию – смеющегося молодого человека лет тридцати.

– Это Марек Борисов, – сказал он, показывая на фото, – тот самый наш связной. После его смерти вдова родила сына, который так и не увидел своего отца. И еще дочь пяти лет.

– Вы напрасно пытаетесь меня разжалобить. Это просто нечестный прием, – разозлился Дронго, – хотя подозреваю, что в основе ваших действий всегда лежит строго проверенный расчет. Это, если хотите, ваше кредо.

– А в чем тогда кредо негодяев? – спросил Алексей Александрович.

– Вера только в себя и собственную подлость. Вот вам их убеждения и их гнусная истина. Я ведь знал, что вы так просто не позвоните. Давайте мне данные на всех пятерых ваших подопечных.

– Учтите, об этом списке будете знать только вы, – строго предупредил его Алексей Александрович, – достаточно этому списку из пяти фамилий попасть куда-нибудь, и наш агент будет провален. Все поймут, что он и есть шестой, непроверяемый. Вы меня понимаете?

– Список останется только в моей памяти, – твердо пообещал Дронго, – это единственное, что я могу вам гарантировать.

– Вы готовы отправиться в Америку?

– Раз я согласен взять список, значит, да. Но мне понадобится значительно больший объем информации. Надеюсь, мне разрешат воспользоваться информацией аналитического управления?

– Вы получите любые данные, все, что вам нужно, – твердо заверил Алексей Александрович.

– А что будет с остальными? – спросил Дронго. – Вам не кажется, что Рябой может просто их всех убрать?

– Это уже не наше дело. Главное, чтобы все знали: вы едете в США как представитель враждующей группировки. Конечно, у вас могут быть неприятности с американскими спецслужбами, но это даже к лучшему. Чем больше шума, тем меньше подозрений.

– В общем, вы меня посылаете туда как подсадную утку? – понял он.

– Если вам нравится такое сравнение – то да.

– А в чем ваша вера, Алексей Александрович, – спросил вдруг Дронго, – и чем вы все отличаетесь от них?

– Вы это серьезно?

– А вы как думаете?

– Как с вами тяжело, – вздохнул Алексей Александрович, – давайте все-таки работать.

Он достал еще пять фотографий, выкладывая их на стол перед Дронго.

– Запоминайте эти лица. Первый из них Михаил Капустин по кличке Зверь. Обосновался в Нью-Йорке, в районе Бруклина. Кстати, именно после его появления Рябой переехал в Хартфорд, посчитав, что в Нью-Йорке становится слишком тесно. Очень опасен. Ему пятьдесят восемь лет. Некоторые рассказывают, что еще в молодости он бежал из лагеря для особо опасных рецидивистов, прихватив с собой трех заключенных. Через два месяца живым из тайги выбрался только один Зверь. Есть версия, что своих товарищей он просто съел, чтобы не умереть с голоду. Это, кстати, практикуется в сибирских лагерях. Во время побега обычно берут с собой одного заключенного в качестве источника пополнения свежего мяса. Не удивляйтесь, это действительно так.

– Я слышал об этом, – с отвращением сказал Дронго.

– Второй из ваших подопечных – Владлен Клычков по кличке Клык. Умен, образован, начитан. Ему в голову вполне могла прийти такая идиотская мысль о шантаже нашего посольства. Во всяком случае, он один из тех, кто мог вычислить всю нашу подготовку. Живет в настоящее время в Бостоне. Ему сорок один год. Имел пять судимостей. Единственный среди наших подопечных имеет высшее образование. Возглавлял банду грабителей, на счету которых три убийства и два покушения на убийства. В общей сложности провел в лагерях семнадцать лет, в разные годы, конечно.

– У него есть любимая женщина?

– Есть. Он эмигрировал с ней. А почему вы спросили? Вы слышали о нем раньше?

– Нет. Просто такие типы бывают обычно с ярко выраженными романтическими наклонностями. Поэтому я и спросил.

– Подробную информацию о ней вы тоже получите, – сухо произнес Алексей Александрович. – Третий – Георгий Хабашели по кличке Генерал. Переехал туда раньше всех. Неплохо устроился. Каким-то образом сумел переправить туда большую часть своих денег. Открыл магазин в Балтиморе. Несмотря на свой возраст, умудрился жениться на американке. Имеет неплохие связи со своими земляками.

– Его отношения с Рябым?

– Никаких отношений. Они, по-моему, не любят друг друга. Четвертый – Вячеслав Мамонтов. Самый опасный из всех. Его кличка Палач. Мы очень не хотели его отпускать, подозревая, что за ним числится немало других преступлений. Но из-за нашего человека пришлось выпустить и этого мерзавца. В этом случае наша легенда носила абсолютно законченный характер. Палач – сорок восемь лет. Он бывший спортсмен, боксер. В семидесятые годы даже выступал на первенстве Союза. Мы не будем возражать, если Рябой, уже знающий о вашем прибытии, уберет этого типа. На нем слишком много нераскрытых преступлений, но по двум мы уже определенно можем требовать его выдачи.

– Хорошо, учту. Где он живет?

– В Лос-Анджелесе. У нас есть его точный адрес. И наконец, пятый, и последний – Петро Савченко по кличке Сокол. Пятиклассное образование, четыре судимости, интеллект на нуле. Но, по нашим сведениям, активно сотрудничает с агентами ФБР.

– Думаете, это он?

– Ничего не могу сказать конкретно. Для этого вас и посылаем. Однако не исключено, что через ФБР на него вышли и сотрудники ЦРУ. Вот это вам и предстоит выяснить. Он проживает в Сан-Франциско.

– Вы сказали, пятый, и последний. Но в Америку уехало шесть человек. Верно?

– Да.

– Тогда люди Рябого, которые будут вести меня по Америке, узнают, что я посетил именно пять человек из шести. Понимаете?

– Не совсем.

– Вы не допускаете мысли, что среди них могут оказаться и осведомители ЦРУ? В таком случае вся ваша игра никому не нужна. Если вы подставляете пять человек из шести, то ничего больше не нужно вычислять. Все и так ясно. Вы таким образом сами раскрываете своего человека.

– Разговаривать с вами действительно тяжелое испытание, – вздохнул Алексей Александрович, – словно я все время попадаюсь как провинившийся школьник. Пусть этот вопрос вас не волнует. Мы его продумали до конца. Дело в том, что за вами будут следить люди Рябого. Там будет всего три-четыре человека. Думаю, мы сумеем держать ситуацию под контролем. Самый опасный из ваших наблюдателей – вот этот тип, – он показал Дронго еще одну фотографию. – Имя его мы пока установить не смогли, а кличку знаем точно – Цапля. Он в прошлом году был в России.

– И вы не смогли установить его имени, – нахмурился Дронго, – или не захотели?

– Мы тогда еще ни о чем не догадывались. Лишь позднее мы поняли, что убийства Арчила Гогия и Михаила Мосешвили на его совести. Но было поздно. Он к тому времени сбежал в Польшу через Белоруссию. А затем объявился в Праге. Там он крупно проиграл, почти двести тысяч долларов. Но сумел уйти в Германию, откуда позднее перебрался в Америку к Рябому.

– Здорово они гуляют по свету, – снова не удержался Дронго, – судя по всему, трудностей с получением визы они не испытывают.

– Хорошо налаженная международная система оформления документов, – развел руками Алексей Александрович, – мы ничего не можем с этим поделать.

– Откуда у Цапли такие деньги? – спросил Дронго.

– Мы предполагаем, что он утаил от своих сообщников часть похищенных у Мосешвили денег. И решил поиграть на них в Праге. Кстати, вскоре после его проигрыша бесследно исчез крупье казино, принимавший ставки в тот роковой для себя вечер. Или счастливый – смотря, что с ним произошло. Еще через несколько дней в Праге появились представители Рябого, которые проверяли номера выигранных купюр, – Цапля предпочитал платить наличными.

– Все понятно. Когда мне нужно вылетать в Америку?

– Завтра.

– Тогда мне придется оставаться у вас на всю ночь. Мне понадобится намного больший объем информации.

– Разумеется, мы готовы предоставить вам всю имеющуюся у нас информацию.

– Оружие у меня будет?

– Нет, вы можете попасть в руки полиции, а это опасно.

– Какое-нибудь прикрытие?

– Если вы попадетесь, мы немедленно от вас откажемся. Вы представитель мафии, прибывший в Америку в поисках контактов. Так и будет официально заявлено.

– Значит, я буду совсем один?

– Как обычно.

– Спасибо за откровенность. Между прочим, вы так и не ответили на мой вопрос – чем вы отличаетесь друг от друга?

Глава 3

С раннего утра у него было прекрасное настроение. Сначала позвонили из Праги, где были выставлены его скульптуры. Две работы были куплены уже в день открытия, и это особенно радовало. Ему не нужны были деньги, он даже не поинтересовался, какую конкретно сумму ему переведут в Москву. Главное, что его работы интересны европейским заказчикам. Это было подтверждение высокого авторитета Рафаэля Багирова, всемирно известного скульптора, талантливого мастера, чьи произведения покупались по всему миру. И это было самым лучшим, блестящим подтверждением его популярности. А заодно и прекрасным алиби для любого, кто поинтересуется его доходами. И твердой гарантией от любых неприятностей в будущем. Скульптора с таким именем власти просто не посмеют тронуть. Он хорошо помнил, когда четверть века назад к нему, уже ставшему известным и популярным в Москве мастером, приехали двое земляков. Разговор был долгий, тяжелый. Он искренне недоумевал, не понимая, отчего он должен брать на себя столь неприятные обязанности. Приехавшие к нему земляки требовали принять крупную сумму денег. Очень крупную. Его собирались сделать хранителем денег, своеобразной кассой взаимопомощи для всех нуждающихся в помощи земляков. Только позже он понял, что далеко не для всех. А только для тех, у кого были крупные, очень крупные неприятности с законом.

Тогда он был слишком молод. И отказать уважаемым людям, к тому же приехавшим специально ради него в Москву, он не смог. Позднее он понял – кем именно он стал. Им нужен был абсолютно честный с гарантированным алиби человек, которого можно было использовать для таких целей. В свою очередь, ему помогали, создавая широкую рекламу, покупая журналистов и критиков, запугивая конкурентов и задабривая руководителей. Через пять лет он был уже признанным по всей Европе скульптором и доверенным лицом сразу нескольких преступных группировок. Это было выгодно и спокойно для обеих сторон.

Еще через пять лет он уже возглавлял самую крупную группировку в бывшем Советском Союзе и облагал данью почти все торговые точки, открывающиеся в Москве лишь с его разрешения. Земляки охотно платили ему, справедливо полагая, что защиту иметь необходимо, а его группа и его связи обеспечивали самое надежное прикрытие. И они же оказали ему поддержку в борьбе против сибирской, кавказской и ленинградской группировок их земляков, лидеры которых стали претендовать на роль высшего авторитета на всей территории огромного государства. Расправы были показательно жестокими и быстрыми. Недовольных сразу отправляли за решетку, подставляя правоохранительным органам, выдавая их лучших людей, тайники и базы. В те годы еще нельзя было устраивать кровавые разборки, которые стали нормой в начале девяностых. Нужно было устранять соперников руками самого государства, и Багиров пользовался именно этим приемом.

Именно тогда он стал самым известным и самым нужным человеком для всех возвращавшихся на волю преступников. К этому времени его имя было известно во многих странах, его скульптуры выставлялись по всему миру, и никто даже не догадывался о его второй, не известной никому жизни. Теперь его приглашали в качестве верховного судьи по всему Союзу. При разборках между известными «цеховиками» (так называли в советское время руководителей подпольных цехов, выпускающих «левую» продукцию) приглашали только Багирова. Его слово было законом, которому подчинялись обе стороны. Все преступные авторитеты среди земляков признали его высшее и неоспоримое руководство. Долгие годы вместе с Михаилом Мосешвили и Кареном Казаряном он возглавлял самые мощные преступные группировки в Москве. Они и Рябой были фактическими хозяевами Москвы, при этом последнему почти единодушно отводили роль своеобразного руководителя в этой четверке, так как он возглавлял мощные подмосковные группировки и был фактическим лидером всех преступных объ-

единений. Только затем в Москве стали появляться чеченские и татарские группировки, уже представляющие довольно серьезную силу. Причем первые традиционно поддерживали неплохие контакты с людьми Багирова, а вторые тесно кооперировались с некоторыми подмосковными группировками. Так продолжалось несколько лет, пока не умер Казарян, умевший находить компромиссные решения, так устраивающие всех лидеров преступного мира. Он обладал каким-то особенным даром убеждать сомневающихся.

На этом их слаженный «квартет» распался. Еще через полгода уехал в Америку Рябой, оставивший вместо себя ничтожного Лазарева, который хоть и стал депутатом Государственной думы, но не сумел в полной мере заменить Рябого. Вскоре началась война между славянскими и кавказскими группировками, и Лазарев был убит. К тому времени место умершего так некстати Казаряна занял руководитель «Континенталь-банка» Саркисян. Был убит и Мосешвили, неосторожно подставивший себя под пули неизвестного убийцы. Позднее застрелили и Арчила Гогию, претендовавшего на место Мосешвили. Правда, свято место пусто не бывает. И их место довольно уверенно занял осторожный и жестокий Гурам Хотивари, сумевший вместе с Багировым нанести ряд впечатляющих и болезненных ударов по группам Рябого. Только вмешательство третьей силы помогло тогда временно приостановить уже разгоравшуюся войну. Но обе стороны помнили о нанесенных ударах и искали возможности как-то незаметно обойти соперников. По их взаимному согласию было решено не вести друг против друга активных действий, и на какое-то время мир был восстановлен. Сегодня утром Багирову передали и вторую приятную весть. За крупный груз наркотиков, пропущенный через Батуми и Трабзон, они получили довольно приличную сумму денег, переведенную в «Континенталь-банк» из Италии. За турецкий порт Трабзон Багиров особенно волновался. Сидевший там российский представитель, консул Зохраб Ибрагимов, был земляком Багирова, но категорически отказывался от сотрудничества с «бандитами».

Не помогало ничего – ни уговоры, ни подкуп. Ибрагимов отказывался помогать людям Багирова, и разгневанный Рафаэль Мамедович даже собирался посылать в Трабзон специально подготовленных киллеров. Но, к счастью, груз прошел благополучно и без помощи российского дипломата, а визит киллеров в Трабзон так и не состоялся.

Оба телефонных звонка дали положительный заряд на все утро, и Багиров, дождавшись, пока во двор въедут два бронированных «Мерседеса» с охраной, пошел вниз в прекрасном настроении. Со стороны, глядя на эти роскошные машины, нельзя было и предположить, что они отличаются от обычных. Даже бронированные стекла казались обычными затемненными стеклами, столь часто встречающимися в машинах подобного класса. Никто не должен был знать, что подобные автомобили изготавливались на заказ только для особо важных персон и были предоставлены в свое время канцлеру Германии и Папе Римскому. «Мерседесов» подобного класса было в мире всего штук десять. Эти два готовились на заказ для самого генерала Пиночета. Но чилийский диктатор ушел добровольно в отставку, и ему уже не были нужны подобные роскошные автомобили. Тогда их и приобрел для Рафаэля Багирова его адвокат в Мюнхене.

Они уже подъезжали к роскошному офису Багирова, когда в автомобиле раздался телефонный звонок. Это был его личный номер, который был известен лишь нескольким людям. Он сам снял трубку, недоумевая, кто может звонить так рано.

– Доброе утро, Рафаэль Мамедович, – раздался в трубке характерный голос с акцентом. Это был сам Гурам Хотивари. Багиров чуть поморщился. Он не любил этого мясника, обожавшего лично присутствовать при расправах с неугодными соперниками и бывшими друзьями. Но высказывать свое недовольство нельзя, ссориться было невыгодно по многим мотивам. Они были нужны друг другу.

– Доброе утро, – недовольно буркнул он, – почему такой ранний звонок, Гурам? Что-нибудь произошло?

– Просто звоню уточнить. Мне из Балтимора звонил Генерал, говорит, мы кого-то к нему присылаем. А я не в курсе, ничего не знаю. Может, вы кого-то посылаете?

– Какой Генерал? – не сразу понял Багиров.

– Ну, Георгий из Балтимора, – терпеливо объяснил Хотивари, – говорит, к нему должен приехать какой-то человек от нас. Он вчера ему звонил.

– Какой человек? Почему от нас, я никого не посылал.

– Поэтому я и позвонил. Я тоже никого не посылал.

– Может, Артур кого-нибудь послал?

– Уже спрашивал. Он тоже ничего не знает.

Багиров нахмурился. Это был уже тревожный симптом.

– А что сказал этот гость? От кого он приехал?

– Говорит, друзья послали из Москвы. А ведь друзья Генерала – это мы с вами. И мы ничего не знаем.

– Может, это его личные друзья? – не хотелось верить в худшее в это утро, которое так хорошо началось.

– Нет, – немного упрямо ответил Хотивари, – он ему сказал, что приехал от нас. Именно от нас.

– А зачем ему врать? – словно размышляя вслух, спросил Багиров. – Какая выгода от этого? Может, Саркисян послал своего связного?

– Он бы нам сказал. Без нас он бы никого не послал в Америку. Мы ведь не первый год работаем. Он знает, как нужно вести себя в подобных случаях.

– Я с ним еще раз поговорю. Но это точно не я посылал. Какие у меня связи могут быть с Генералом? Он скорее ваш человек, – осторожно добавил Багиров.

– А зачем тогда я вам звоню? – разозлился Гурам Хотивари. Всем была известна подозрительность Рафаэля Багирова и вспыльчивость Гурама Хотивари. Поэтому Багиров никак не отреагировал на немного нервное замечание своего собеседника.

– Хорошо, – раздраженно произнес Багиров, – что вы предлагаете? Как именно нам нужно реагировать на это сообщение?

– Нужно проверить, кто это мог приехать к Георгию от нашего имени, – предложил Хотивари, – и если это очередная подлость мерзавца Рябова, в конце концов нужно послать туда людей и разобраться с этим типом. Я думаю, опять он затевает какую-нибудь гадость и решил использовать Георгия, уже давно отошедшего от всяких дел. Вы ведь знаете, тогда мы ему помогли переправить в Америку большую часть своих денег, даже счет ему открыли специальный. Может, кто-то узнал про это?

– Каким образом? Об этом знало только несколько человек.

– Может, узнал кто-нибудь и теперь решил припугнуть Георгия. Хотя его так просто не взять. Я его двадцать лет знаю. Он может отрезать непрошеному гостю его уши.

– При чем тут уши, – окончательно разозлился Багиров, – что за средневековые дикости! Нужно просто выяснить, почему этот незнакомец приехал в Америку. Может, он просто авантюрист. Хочет деньги сорвать и сбежать. А может, его действительно Рябой послал. Тогда совсем другое дело. Нужно узнать, что он затевает против нас.

– Поэтому я и позвонил, – сказал наконец Хотивари, – может, я кого-нибудь pošлю туда для проверки.

– Вот это будет правильно, – быстро согласился Багиров, – а кого вы хотите послать в Америку?

– Моего Важу. Он, думаю, справится, – быстро ответил Хотивари, очевидно, уже решивший для себя этот вопрос. – Почему его? – изумился Багиров. Важа был исполнителем самых кровавых разборок, самых страшных преступлений. Он был убийцей, любившим убивать и мучить людей, а значит, самым худшим из возможных типов насильников.

– Он сумеет все выяснить, – усмехнулся Гурам. Багиров словно почувствовал усмешку Хотивари и, уже не сдерживаясь, закричал:

– А если там случится ошибка? Может, это действительно какой-нибудь старый знакомый самого Георгия. А ваш костолом поломает ему руки-ноги, пока поймет, кто перед ним.

– Не поломает, – уверенно парировал Хотивари, – я не только его посылаю. С ним поедет еще один человек, из бывшего КГБ Грузии. Настоящий профессионал. Он быстро этого авантюриста расколлет. И выяснит, откуда тот приехал.

– Хорошо, – тихо согласился Багиров, – не нужно об этом говорить по телефону. Нас могут услышать.

В трубке раздался довольный смех Гурама.

– Что вы, – очень весело заявил Хотивари, – нас подслушать не могут. Я ведь у себя держу американского инженера. И плачу ему, между прочим, больше в два раза, чем он получал в своей Калифорнии. Зато за эти деньги он обеспечивает мне полную охрану от всяких подслушивающих средств. Мы можем спокойно говорить о чем угодно, но, конечно, вы правы – не стоит обсуждать все детали предстоящей операции по телефону. Это мы сделаем при личной встрече. Вы знаете, где находится мой офис?

– Конечно, знаю.

– Очень хорошо, приезжайте прямо сейчас ко мне – мы все обсудим. И решим, как нам лучше поступить в этой ситуации.

Багиров раздраженно откинулся на спинку сиденья. Почему, когда у него хорошее настроение, вечно звонит этот Гурам? Словно заранее знает, как можно испортить настроение человеку на весь день. Но вообще-то он прав. Почему этот неизвестный вдруг появился в Америке и тем более позвонил заранее Георгию? Какая-то новая игра конкурентов? Багирову приходилось быть осторожнее других. Он знал, что приговор, вынесенный ему в свое время соперниками, был поручен профессиональному киллеру. Лишь по счастливой случайности разговор киллера подслушал какой-то прохожий в маленьком подмосковном городке, и убийце пришлось срочно возвращаться обратно домой. Но приговор еще не был отменен. Об этом Рафаэль Багиров помнил всегда. И когда его люди покупали бронированные автомобили в Мюнхене, и когда выбирали для него тихую дачу за городом, и когда он разговаривал с кем-то из своих «друзей». Он, как никто другой, хорошо знал – убийцей может в любой момент оказаться кто-то из самых близких людей. И сознание этого превращало его, в общем-то счастливую, жизнь в бесконечную пытку.

Глава 4

В тот день он простился с Алексеем Александровичем лишь утром. Всю ночь они провели вместе, работая над биографиями уехавших в США авторитетов. Информации было много, и нужно было получить максимальное представление о каждом из пятерых, с которыми он должен будет работать. Заодно он получал информацию о людях Рябого, которые должны выйти на него, и, соответственно, их конкурентах, от имени которых он должен встречаться с пятью самыми отъявленными мерзавцами, попавшими в Америку лишь благодаря счастливому стечению обстоятельств.

Тщательный анализ позволял наметить некоторые ориентиры о предполагаемом «путешествии». При этом нужно было учитывать, что самостоятельно работать ему не дадут. За ним по пятам будет двигаться наемный убийца Рябого, и любой неосторожный шаг Дронго может оказаться его последним шагом в жизни. Следовало не просто отбывать номер на ковре, а работать в полную силу. Таковы были условия, в которые его поставили преднамеренно. И он заранее принимал эти правила нечестной игры, иначе его просто не пустили бы в нее играть. Преимущество первого хода было на его стороне, и он всерьез хотел им воспользоваться. Следовало продумать сразу несколько вариантов, максимально усложняющих любые действия его преследователей и облегчающих деятельность самого Дронго.

Именно для этого за несколько часов до вылета он позвонил Генералу – Георгию Хабашели и Соколу – Павло Савченко. По сведениям, полученным от Алексея Александровича, первый сумел непонятным образом перевести в Америку большую часть своих денег и даже открыл магазин. А второй сумел с пятиклассным образованием стать консультантом довольно солидной фирмы, в которой работали эмигранты из России. Если предполагаемый шантажист один из них, об этом обязательно узнают их друзья, так тесно связанные с их переездом. Кроме того, Сокол был связан с ФБР, а значит, представлял собой наиболее реальное лицо для контактов с американской разведкой. Этим двоим он представился как человек из Москвы, посылаемый для нужной обеим сторонам встречи. Оба были явно заинтересованы, но лишних вопросов не задавали – сказывалось лагерное «образование». А вот третьему участнику этой славной пятерки он позвонил, не представившись, лишь туманно намекнув на некоторые обстоятельства. Живущего в Бруклине Михаила Капустина, или Зверя, трудно было ошеломить новым предложением. Для этого Капустин был слишком стар. Он мог показать зубы и потребовать денег от советского посольства – это было вполне в духе старого, закаленного жизнью бойца. Но сотрудничать с кем-либо он не станет. В этом Дронго был убежден – Капустин слишком колоритная фигура, чтобы так просто пойти на контакт с неизвестными представителями московских авторитетов. В свою очередь, Клык и Палач были наиболее опасными из переехавших, и он справедливо решил приберечь их до своего перелета в Америку.

По его расчетам, Хабашели должен был позвонить в Москву, перепроверя информацию насчет связного, а Савченко мог вполне выйти на своих «благодетелей» в самом ФБР. Что и требовалось в данном случае, привлекая к операции максимально возможное число людей, чтобы затруднить деятельность в Америке слишком хорошо устроившимся людям Рябого. В Америку он летел через Болгарию. Страны Западной Европы наконец открыли границы друг для друга, существенно осложнив задачу иностранцам, въезжающим в их страны. Теперь для поездки в Западную Европу требовалась общая «евровиза» и соответственно все данные посетителя закладывались в общий компьютер в Страсбурге. Эра великих разведчиков и блистательных шпионов уходила в прошлое. На смену им приходили занудливые программисты и бесцветные аналитики, сидевшие у своих компьютеров. Если учесть и то обстоятельство, что в Европе вскоре собирались вводить регистрацию по отпечаткам пальцев, шансов на продолжение карьеры не было ни у одного из разведчиков. Никакие поддельные документы не смогли бы

заменить отпечатков пальцев. Мир неузнаваемо менялся, но общие законы зла и добра оставались универсальными законами человечества. Зло и добро по-прежнему сходились в яростной схватке, отстаивая свое право на истину. И в мире по-прежнему были свои праведники и свои грешники, словно ничего не менялось в психологии людей со времен Адама и Евы.

Он прилетел из Софии в Вашингтон и остановился в отеле «Савой», который знал по предыдущим поездкам в Америку. Отель был расположен напротив бывшего советского, а ныне российского посольства. У него привычно испортилось настроение, когда он увидел трехцветный флаг над зданием, где раньше был совсем другой флаг. Несмотря на то что после распада СССР прошло около четырех лет, он по-прежнему сохранял в душе образ того могучего и великого государства, гражданином которого он был. Может, это была ностальгия по уходящей молодости или по погибшим друзьям, так счастливо ушедшим еще в молодые годы и не узнавшим всей горечи распада. Он часто думал, что могли сказать многие из его погибших товарищей – почему они умирали в расцвете сил, почему отдавали свои молодые жизни. И если идея, которую они защищали, была порочной и ошибочной, то и вся жизнь этих людей была одной большой сплошной ошибкой. И страна, которую они так любили и которой так гордились, была лишь нагромождением национальных образований, так быстро обособившихся друг от друга. А флаг, которым они привыкли гордиться, был лишь кровавым пятном чудовищного эксперимента фанатиков над собственным народом. И даже гимн его страны, во время исполнения которого они всегда вставали, чувствуя непонятное волнение, был осмеян и предан забвению. Иногда ему казалось, что так и должно было быть. Слишком много мерзостей и несуразностей имел рухнувший режим. Но сразу перед глазами вставали его товарищи, и он стыдился подобных мыслей, словно совершал акт предательства по отношению к погибшим.

Посланный связной погиб в Нью-Йорке, и именно с этого города он и собирался начать. Кроме того, его попросил об этом и Алексей Александрович, уверявший, что именно в Нью-Йорке люди Рябого должны взять Дронго на свое попечение. Можно было изменить программу своих визитов и начать с Западного побережья, но он знал, как трудно бывает менять отработанный вариант, импровизируя по ходу действий. Конечно, самым опытным и самым опасным среди переехавших был Зверь – Михаил Капустин. И, начав с него, он сразу обращал на себя внимание своих преследователей. Что наверняка входило в планы российских спецслужб, именно поэтому он и должен был начинать с Нью-Йорка. Собственные трудности Дронго и его безопасность, разумеется, волновали посылавших его людей менее всего.

Но для себя он все-таки оставил в резерве двадцать четыре часа, в течение которых он мог действовать самостоятельно, не опасаясь возможного наблюдения. Правда, действовать нужно было, все тщательно спланировав. Для этого он снял с выданной ему персональной карточки «Кемикл-банк» две тысячи наличных долларов. Поездка в магазин, где продавались специальные подслушивающие устройства, заняла около часа. Набив сумку, выехал в аэропорт. Теперь все зависело от всемирно известной американской сервисной системы, включавшей в себя безупречное исполнение заказов и отличавшейся хорошо налаженной, четкой информационной службой.

В аэропорту он получил всю необходимую информацию и сделал сразу четыре заказа билетов. В Бостон, Балтимор, Лос-Анджелес и Сан-Франциско. Затем начался безумный день, спрессовавший в себя все трудности подготовительного периода. Он бывал в каждом из этих городов, поэтому маршрут был выбран с учетом часовых поясов на Западном и Восточном побережьях страны. Разумеется, подобный план не мог прийти ему в голову в России или в СНГ, где малейший просчет тщательно продуманного маршрута мог привести к его полному срыву. Но в Америке, где по всей территории страны действовала единая информационная система и самолеты летали с завидной точностью, можно было рассчитывать на успех.

В Бостон он прилетел в одиннадцать часов вечера. Бостонский международный аэропорт был расположен в полутора часах езды от намеченной цели маршрута. Такси довезло его за

шестьдесят пять минут – в эти вечерние часы дороги были свободны, и расчет времени оказался не совсем правильным. Заложив все необходимое, он вернулся в аэропорт примерно за час до намеченного вылета и добросовестно просидел этот час в аэропортовском кафе, стараясь не привлекать внимания.

Перелет в Сан-Франциско занял около шести с половиной часов, и в результате он прилетел в город, когда был уже третий час ночи, здесь он верно рассчитал смещение часовых поясов между Восточным и Западным побережьями. Но, в отличие от Бостона, здесь пришлось довольно долго искать необходимую улицу и дом, в результате чего он несколько выбился из графика. Кроме того, дом, который был им выбран, оказался расположенным в очень неудобном месте, рядом находилась открытая круглосуточно бензоколонка, и пришлось действовать достаточно осторожно, потеряв при этом лишние полчаса. Затем он долго добирался до выбранной заранее гостиницы, где его должна была ждать заранее заказанная автомашина. К счастью, расчет на пунктуальность и точность американцев полностью оправдался, такси ждало его у отеля сорок четыре минуты, и водитель терпеливо дремал за рулем, благо вызов был полностью оплачен еще за несколько часов до этой встречи. В этом районе города проживало много японцев и повсюду слышалась их оживленная речь. Уже в автомобиле Дронго взглянул на часы. Он несколько отставал от графика, но пока у него был небольшой запас времени.

В аэропорт они приехали за полчаса до вылета самолета, и он едва успел пройти регистрацию. Еще через полтора часа его самолет совершил посадку в Фуллертонском муниципальном аэропорту Лос-Анджелеса. Здесь его также ждала машина. От Фуллертона до Сан-Фе-Спрингс было самое короткое расстояние по прямой, и машина довезла его за тридцать пять минут. Часы показывали шестой час утра. Нужно ему здание в этот раз он нашел довольно быстро, а сама установка аппаратуры заняла около десяти минут. Он взглянул на часы, у него в запасе было еще полтора часа. Пока все шло точно по графику, и он боялся сглазить, не решаясь признаваться самому себе в успехе задуманного.

И, конечно, сглазил. У Норфолка, несмотря на ранний час, они попали в серьезную пробку, впереди по дороге опрокинулся грузовик, и почти все спешившие в эти ранние часы на работу водители вынуждены были ждать, пока полиция впереди разбирается с опрокинувшейся машиной. В аэропорт он уже не успевал. Единственная возможность была свернуть с пятой дороги, ведущей из Лос-Анджелеса и его пригородов в Фуллертонский аэропорт, на сорок вторую, направляясь в Лос-Анджелесский международный аэропорт. Что он и предложил водителю. Конечно, это сильно выбивало из графика, но другого выхода у него просто не было. Это был резервный вариант, предусмотренный как раз для таких случаев.

В Балтимор он уже не успевал. Но даже три города из четырех были совсем не плохим результатом трудного дня, и, взяв билет в Вашингтон, он сумел выспаться в самолете, летевшем почти семь часов до столицы Соединенных Штатов. Теперь он был готов к любым неожиданностям. Необходимая страховка была предусмотрена, и он мог идти на свое первое свидание в Нью-Йорке. Вернувшись в Вашингтон, он позвонил в российское посольство по условленному заранее телефону.

– Добрый вечер, – сказал он, в столице был уже вечер следующего дня, – я только что приехал из Москвы. Меня просили встретиться с господином Уваровым.

Это был работник посольства, занимавшийся оформлением документов. Американцы точно знали, что он не был сотрудником разведки.

В данном случае этот вариант устраивал всех. Дронго получал необходимую информацию от человека, не знавшего истинных целей прибывшего. Российская разведка не подставляла лишний раз своих людей, так как почти все телефоны традиционно прослушивались и выходить на связь с кем-либо из сотрудников разведки означало привлечь к себе длительный и заинтересованный интерес американских спецслужб. И, наконец, сам Уваров мог в слу-

чае необходимости связаться с представителями службы безопасности посольства и помочь Дронго в решении некоторых вопросов.

– Слушаю вас, – раздался в трубке мягкий голос работника российского посольства.

– Господин Уваров? Вас беспокоит... – он назвал фамилию своего паспорта, – мне бы хотелось узнать, не передавали ли вам для меня каких-либо писем?

– Да, – сразу ответил Уваров, – у меня есть для вас письмо. Когда вы можете зайти в посольство?

– Прямо сейчас. Я живу в отеле «Савой».

– Вот и прекрасно, жду вас. – Кажется, Уваров даже обрадовался. Конечно, он обязан был выполнять все указания посла или офицера службы безопасности, но его самого явно тяготили обязанности Джеймса Бонда. Он просто не годился для такой роли.

В посольстве на имя Дронго был заказан пропуск, и он, довольно быстро пройдя необходимые формальности, оказался в кабинете Уварова. Сотрудник посольства был невысокого роста, лысоватый, пухленький молодой человек с каким-то комическим брюшком, словно вместо живота у него была втиснута под одежду подушка, да и та боком. Увидев Дронго, он испугался еще больше. У сотрудника российского посольства было двое маленьких детей, и почти всю свою зарплату он откладывал на будущее, страшаясь одной мысли попасть обратно в неустроенную и разоренную страну на зарплату в тридцать долларов. Именно поэтому он боялся и своих руководителей, которые просто могли отозвать его обратно в Москву. И американцев, которые могли выслать его из этой чудесной страны и лишиться зарплаты почти в две тысячи долларов, представлявшие целое состояние по сравнению с обычными зарплатами служащих в странах СНГ. Даже возвращаться несчастному Уварову было некуда – квартиру свою он сдавал иностранцам, заключив с ними договор на три года и взяв деньги вперед.

– Вот ваш конверт, – осторожно сказал Уваров, показывая на свой стол. От страха он даже не прикасался к конверту, предпочитая держать его исключительно через носовой платок. Страх оказаться без денег на своей прежней работе в МИДе был парализующим. При одной мысли об этом начинали болеть все зубы. Зубы вообще были особой проблемой всех сотрудников посольства. Работавший при посольстве стоматолог мог бесплатно осмотреть вас, даже помочь в случаях крайней нужды. Но «голливудскую улыбку» он вам не мог сделать ни при каких обстоятельствах – не было ни материалов, ни разрешения на подобные эксперименты. Да и стоило все это очень дорого. Поэтому многие сотрудники посольства предпочитали рвать уже гниющие зубы, но не вставляли новые, резонно полагая, что этим можно заняться по возвращении на Родину.

Дронго вскрыл конверт. Там было всего лишь несколько фраз. Установлено, прочел он, что дом Михаила Капустина в Бруклине был куплен через посредника Кэвена Роу, являющегося представителем колумбийской мафии в Нью-Йорке. Советуем проявить крайнюю осторожность. По прочтении уничтожить.

Он опустил листок. Только этого ему и не хватало. После утомительного дня болела голова. Уваров испуганно посмотрел на него.

– Что-нибудь случилось? – спросил он.

– Нет, – ответил Дронго, – все как обычно. У вас есть спички?

Глава 5

Утренним автобусом он приехал на Центральный автобусный вокзал Нью-Йорка, или, как его называли, «Автобусный порт» города. Расположенный в самом центре огромного города, на Манхэттене, между Сороковой и Сорок второй улицами, он поража́л воображение множеством своих терминалов и подземными стоянками, откуда с разных уровней уходили автобусы по всему Восточному побережью Америки от канадской границы до Майами, куда они шли, почти не останавливаясь, двадцать семь часов. Нужно увидеть этот грандиозный, четко функционирующий автобусный порт, чтобы понять весь масштаб охвата страны идеально налаженным автобусным сообщением. При этом автобусы были доступны практически любому, настолько минимальной была плата за проезд, составлявшая в ближайшие города порядка десяти-пятнадцати долларов.

Он отправился в отель «Мэрриот Маркиз», расположенный в самом центре Манхэттена, на Таймс-сквер. Гостиница, кроме своего удобного местонахождения, имела еще ряд преимуществ. Здесь было сразу несколько выходов из отеля прямо на Бродвей и примыкающие к нему улицы, что давало возможность уйти незамеченным. Портье и все службы были расположены на седьмом этаже. Они обычно отличались хорошей памятью и запоминали всех входивших в гостиницу, что было крайне нежелательно при его неприятной работе.

И наконец, в номер на тридцать четвертом этаже можно было попасть, минуя сотрудников гостиницы и поднимаясь в красивых прозрачных лифтах до своего тридцать четвертого этажа, что было также немаловажным обстоятельством. Получив номер и поднявшись на свой этаж, он долго стоял у окна, глядя вниз, на спешивших людей и почти игрушечные автомобили. Слева назойливо бились рекламы Келвина Кляйна и Фила Донахью. Иногда вместо последнего появлялась какая-то женщина, которую Дронго видел впервые и еще не знал.

Было прохладно, кондиционер, поставленный на режим «умеренной прохлады», исправно регулировал температуру воздуха в номере. Он стоял, прислонившись к стеклу, и продолжал смотреть вниз. Дронго понимал – это его последние спокойные минуты на земле Америки. Позвонив в Бруклин, он отрезал всякую возможность для отступления. Но это был как раз тот вариант, на который нужно было идти. Поэтому он стоял и смотрел вниз, пока холод плотного стекла неоткрывающегося окна не проник ему в мозг. Только затем он оторвался от окна и, подойдя к небольшому холодильнику, достал из него маленькую бутылку мартини. Взяв бокал, поставленный на холодильник, или мини-бар, как его называли американцы, он открыл бутылку, вылил все ее содержимое и громко произнес:

– За успех, – после чего выпил все содержимое бокала.

«Кажется, я становлюсь сентиментальным, – подумал Дронго. – Или постепенно сопьюсь, превратившись в алкоголика».

Нужно было звонить, а он все медлил. Подсознательно он держал в уме еще один телефон. Это был номер женщины, которая когда-то была ему очень близка. Три года назад, будучи в Америке, он оскорбил ее недоверием, решив, что она специально подставленный агент. С тех пор они ни разу не виделись. Получив свое задание, он все время помнил о Лоне, так звали ту женщину, которую он тогда обидел. Резко подняв трубку, он набрал ее телефон, привычно не набирая код Манхэттена. Из отеля можно было звонить, не набирая двести двенадцать, – известный всему миру код центра Нью-Йорка. Телефон долго не отвечал. Затем наконец раздался женский голос:

– Слушаю вас.

– Добрый день, – мягко произнес он, – мне нужна Лона.

– А кто это говорит? – спросил заинтересованный голос.

– Это ее друг, – он не слишком уклонялся от истины.

– Да, – удивился женский голос, – она уехала с мужем в Сиэтл. Разве она вам не говорила о своей поездке?

– Нет, я ничего об этом не знал, – слово «муж» больно ударило по самолюбию и нервам Дронго.

– Как вас зовут? – спросила незнакомка. – Что передать Лоне, когда она вернется?

– Привет, скажите, звонил старый знакомый, любитель «Фаренгейта». Вы не перепутаете?

– Извините, любитель чего?

– «Фаренгейта». Если не запомните – лучше запишите.

– Запомню, – засмеялась наконец девушка.

– Вы ее подруга?

– Кажется, да.

– Как вас зовут?

– Барбара.

– Спасибо, Барбара. Я надеюсь, что в отличие от Лоны у вас нет мужа?

– Нет, – снова засмеялась девушка.

– А давно они поженились? – все-таки не удержался он от вопроса.

– В прошлом году. А вы об этом не знали?

– Не знал. Запишите на всякий случай мой телефон.

– А вы действительно ее друг?

– Безусловно. Думаю, она очень обрадуется, услышав обо мне, – он почти верил в свою спасительную ложь или делал вид, что верит в свои слова. Или просто ему так хотелось, чтобы она обрадовалась. Он продиктовал номер своего телефона.

– Я обязательно передам, если она позвонит. Но вы так и не сказали, как вас зовут, – немного кокетливо произнесла Барбара.

– Это действительно совсем не важно. До свидания, Барбара.

– Бай, бай, – девушка положила трубку.

В номере было уже очень холодно. Он подошел к терморегулятору и перевел его на положение подачи теплого воздуха. Затем вновь подошел к окну и, не прислоняясь, посмотрел вниз. Интересно, чего он ждал? Чуда? Три года не подавал о себе никаких вестей. Все было правильно и оттого еще больнее.

Уже не раздумывая, он набрал номер телефона в Бруклине. Видимо, он ошибся. Соединения не произошло. Он вспомнил, что в Бруклине другой код, и привычно набрал знакомые цифры «семьсот восемнадцать». Почти сразу ответили по-русски:

– Алло, кто говорит?

– Это квартира господина Капустина? – спросил он, привычно употребляя английский. Только сказав фразу, он вспомнил, что по телефону ответили на русском языке. Попадая в другую страну, он словно автоматически переключался на английский язык, и ему трудно было обратное переключение. Сказывался многолетний опыт работы в зарубежных странах, когда там еще не было так много русскоговорящих людей.

– Кто говорит? – Его собеседник владел английским значительно хуже.

– Это его знакомый. Мне хотелось бы поговорить с господином Капустиным. Когда он меня сможет принять? Я привез привет от его знакомых.

– Каких знакомых?

– Из России.

– Оттуда, значит, – уточнил незнакомый голос, – а по-русски разговариваешь?

– Конечно.

– Так какого хера ты дурака валяешь, – разозлился уже на русском собеседник Дронго. – Мог бы сразу сказать, что приехал из России. От кого привет привез?

– От его знакомых, – уклонился он от ответа, – мне нужен сам Зверь, а ты не кипятись, я же не знал, что можно говорить, а что нельзя.

– Понятно, – он действительно много понял. Раз Дронго назвал кличку Капустина, значит, действительно знал многое и привез привет от определенной категории людей. Дальнейших расспросов не требовалось.

– Когда я могу с ним встретиться? – продолжал давить Дронго.

– перезвони через полчаса, – предложил его собеседник, – и назови, в какой гостинице ты остановился?

– Отель «Мэрриот Маркиз», – ответил Дронго.

– Хорошо живешь, – удивился собеседник, – сколько баксов платишь?

– Больше двухсот в день.

– Молодец, лихо. А на чье имя такой номерок?

– Виктор Крылов, – по паспорту с этим именем он и въехал в Америку.

– Будь в номере, мы тебе позвоним сами. Какой у тебя номер?

– Тридцать четыре.

– Жди, – на том конце повесили трубку.

Теперь нужно было ждать. Они будут проверять, когда он въехал в Америку, какой у него паспорт, как он платил. С этой стороны ничего выяснить не удастся, платил он наличными, а паспорт, разумеется, ему выдали заграничный, красный, общегражданский, с обычной туристической визой для двухнедельной поездки в страну.

Какая связь может быть у Капустина с представителями наркомафии? Видимо, есть нечто такое, что заставило Рябого покинуть Бруклин, переселившись в Хартфорд. Здесь кроется какая-то непонятная тайна. Капустин никогда не занимался наркотиками. Для него это было слишком мелко по прежним, советским понятиям. Он был вор в законе, лично убивший нескольких человек, и никогда не пачкал руки каким-то непонятным порошком или грязной травкой, часто привозимой с юга загорелыми продавцами, коих он даже немного презирал.

Минут через сорок пять раздался телефонный звонок. Он быстро поднял трубку. На этот раз он ответил по-русски:

– Слушаю.

– Это ты, Крылов? – раздался в трубке хриплый голос, очевидно, Капустина. – Хорошо устроился, парень. Всего второй день в Америке и уже в таком отеле. Видно, деньги привез приличные. Угадал?

– Почти.

– А ты скрытный, Крылов. – Зверь продемонстрировал свое умение, за сорок пять минут выяснив данные его паспорта. Значит, у него есть человек, либо имеющий доступ к компьютерам иммиграционной службы США, либо к компьютерам самой гостиницы. Это нужно будет проверить позже.

– Да нет, просто денег действительно не так много. Я приехал на несколько дней. Погулять думаю здесь, никогда в Америке не был.

– И гостиницу сразу нашел такую хорошую, – с этим типом нужно разговаривать очень осторожно.

– Не нашел. Ребята хвалили, говорили, прямо в центре находится, поэтому я сразу с автобуса сюда и приехал.

– А почему на автобусе приехал?

– Так мой самолет в Вашингтоне приземлился, – этот тип легко мог узнать, где именно он проходил пограничный контроль.

– Где так хорошо английскому выучился? Я тут своих ребят никак заставить не могу взяться за ум, говорить нормально все не выучатся.

– Работал одно время в «Интуристе», там и научился.

– Фарцовщик, что ли? – ласково уточнил Зверь.

– Всего понемногу, – ему было неприятно говорить на эту тему. И небезопасно. Его могли легко поймать на неточностях. Эту сферу своей предполагаемой деятельности он знал хуже всего.

– Ну, что ж, – неожиданно сказал Зверь, даже не спрашивая, от кого именно ему привезли привет, – тогда приезжай. Адрес знаешь?

– Знаю.

– Ну, приезжай. Только без «пушки». Громкого шума я не люблю. А пронести ее в дом ребята не позволят.

– У меня ее нет.

– Ну нет так нет, еще лучше. Поймай такси и приезжай. Ты у нас все одно – богатый. А мы люди бедные, вот и живем на окраине города. Долларов пятьдесят заплатишь, но доберешься. А может, меньше. Это смотря как поедешь.

Зверь положил трубку. Теперь нужно ехать к нему на встречу. И постараться не делать никаких ошибок. Иначе следующим убитым будет сам Дронго. Только на этот раз его тело просто не найдут.

Важно будет уточнить, на каком именно этапе к нему подключится Цапля. Судя по предположениям Алексея Александровича, у Рябого должен быть свой осведомитель среди «шестерок» Капустина, который и даст знать о появлении связного из Москвы. Значит, если все верно рассчитано, по возвращении оттуда он должен обрести свое второе «я», того самого наблюдателя, который будет отныне сопровождать его по всей Америке и который в один прекрасный день вполне может стать его палачом.

Внизу у отеля швейцары в роскошных фирменных костюмах помогали постояльцам, свистками подзывая стоявшие за углом длинной вереницей такси. Он сел в автомобиль и назвал адрес в Бруклине, после чего закрыл глаза, стараясь сосредоточиться на своих мыслях. Вчера он не успел заехать в Балтимор, но три города, в которых он успел побывать за сутки, были вполне неплохим результатом вчерашнего дня.

Борисов был убит, когда попытался выйти на связь с одним из этой пятерки в Вашингтоне. Значит, кто-то из них специально прилетел для встречи в столицу из своего города. Хотя почему именно – прилетел? Если это Генерал, он вполне мог приехать на автобусе или автомобиле: от его города до Вашингтона всего полтора часа езды, да и того меньше. Если Зверь, то он бы не поехал сам – послал бы кого-нибудь. А вот остальные трое – Палач, Сокол и Клык должны были прилететь в Вашингтон из своих городов. Если бы можно было проверить по компьютерам, не летали ли они в день убийства Марека Борисова в столицу. Тогда многое удалось бы выяснить. Но одновременно пришлось бы давать долгие объяснения полиции и ФБР, почему его интересуют именно три представителя русской мафии, приезжавшие в город в момент убийства российского дипломата. И тогда невозможно будет уклониться от неприятных расспросов. А это совсем не поможет операции, наоборот, максимально ее осложнит. По существу, он провалит в таком случае шестого, прикрытия которого и является его главной задачей. А тут еще надо помнить, что Сокол является осведомителем ФБР. Вопрос с проверкой аэропортовых компьютеров отпадал сам собой.

Такси въехало в Бруклин. Привычно мелькали невысокие дома, виднелись многочисленные вывески на русском языке. Машина плавно затормозила у небольшого двухэтажного дома, видневшегося в глубине сада. Дронго знал, что, по сведениям, полученным в Москве, этот дом давно был превращен в хорошо укрепленную крепость, стены выложены дополнительно очень дорогим в Америке камнем. Внизу оборудован еще один этаж. По сведениям Алексея Александровича, дом Зверя мог выдержать даже небольшую осаду, все необходимое для этого в доме имелось.

Расплатившись с водителем, он вышел из автомобиля и подошел к ограде. Кругом было тихо и спокойно. Но его появление уже заметили. Справа вращалось дуло телекамеры, следившей за появлением чужого у ворот ограды. Он позвонил, и почти мгновенно из приемника, установленного на ограде, раздался голос незнакомца, который первым поднимал трубку в доме Капустина.

– Что нужно? – спросил он почти грубо.

– Открой ворота и не возникай, – посоветовал ему Дронго. Блатной жаргон давался ему с трудом, но другого выхода в данном случае не было.

– Ах, это ты, можешь заходить. Мне о тебе говорили.

Раздался щелчок, и замок автоматически отворил ворота виллы. Дронго прошел в сад, где его уже ждал высокий молодой парень. Последовала обычная процедура обыска. Ничего не найдя, парень удовлетворенно кивнул головой и показал в сторону дома. Камера по-прежнему следила за пришельцем. Дронго, стараясь не проявлять нетерпения, открыл тяжелую, массивную дверь. Здесь его ждал тот самый незнакомец, с которым он беседовал по телефону и который открыл ему дверь.

– Как добрался, миллионер? – весело спросил незнакомец. Ему было лет тридцать пять. Он был светловолосый, голубоглазый, с тонкими прямыми чертами лица. С таким лицом можно было смело претендовать на главные положительные роли в голливудских фильмах. Впечатление портила лишь улыбка – она была какая-то гадкая и глумливая одновременно, словно меняющая красивое лицо и превращающая его в паяца.

– Ничего. Ты, видимо, все время на паперти побираться, подаяниями живешь, если двести долларов для тебя большие деньги.

Вопреки ожиданиям, незнакомец не обиделся, только чуть усмехнулся. Он повернулся к Дронго спиной и пошел в большую гостиную. Дронго вошел следом. В большой, прекрасно обставленной гостиной, на кожаном диване, в окружении роскошных цветов сидел сам Капустин. Тюрьмы и лагеря изрядно потрепали его облик, у него было морщинистое лицо, смятый подбородок, редкие коричневато-седоватые волосы. Только глаза сохранили прежний задор и какую-то волчью настороженность.

– Здравствуй, – сказал хозяин дома, – ну проходи, садись. Посмотрим, какие новости ты нам привез с родной земли.

Руки гостю он не подал. Дронго сел в глубокое кресло напротив дивана. «Из этого кресла не сразу и поднимешься в случае необходимости», – подумал вдруг Дронго. Рядом справа, в другое, более приспособленное для быстрого реагирования кресло сел приведший его в гостиную голубоглазый красавчик.

– Там все нормально, – спокойно начал Дронго, – все живы, здоровы. Привет посылают.

– Это я по твоему виду понял. А кто посылает, кому я нужен стал так срочно, что решили тебя, такого гладкого, послать? И денег не пожалели.

– Рафаэль Мамедович просил передать вам привет.

– Понятно. Ты такой же Крылов, как я китаец. А что нужно от меня твоему шефу? Иногда в газетах читаю – дела у него прекрасно идут. Весь мир пишет, какой он талантливый. Зачем ему с нами, с быдлом, связываться?

– Этого я не знаю. Он хочет просто договориться о совместной работе здесь у вас, в Америке.

– А что за работа? – насторожился Капустин.

– Точно не знаю. Важно ваше согласие. Просто ему стало известно, что кто-то из переехавших начал «стучать».

– Это мы знаем. Если его интересует, могу продать, кто стал сукой, – быстро сказал Зверь, – можете его хоть повесить вниз головой, меня это не касается. Не нужно было лезть американцам в задницу.

– Вы говорите о Соколе? – очень спокойно уточнил Дронго.

– Смотри, какая у вас информация, – изумился Зверь, – хорошо работаете, ребята, сумели наладить получение такой информации. Ну, если вы все знаете – тогда что вам от меня нужно?

– Все знать мы не можем, – впервые возразил хозяину пришедший гость, – но некоторые вещи мы знаем. Сведения о том, что Сокол начал работать на ФБР, мы получили несколько месяцев назад. Но это нас не колышет, – он иногда вставлял какие-то жаргонные словечки для убедительности, – мы получили и другие сведения. Кто-то из приехавших начал снова работать на прежних хозяев, пытаясь наладить контакты с посольством в Вашингтоне. – Капустин чуть нахмурился. Ему явно не понравилось это сообщение. Правда, нельзя было понять, отчего он нервничает. Или ему был неприятен факт такого поступка, или он злился оттого, что кому-то стало известно о его собственных контактах с посольством.

– Вы, кажется, знаете больше всех, – в его голосе впервые прозвучала угроза, – никогда не думал, что в Москве живут такие знающие ребята. Если у вас такие связи – то и работайте сами. Зачем мы вам нужны?

– Мы хотим наладить совместный бизнес в странах СНГ, России и США. И, кроме того, нам нужны счета в американских банках. Чистые счета, – подчеркнул Дронго.

– Вот с этого и нужно было начинать, – угрюмое лицо Капустина прояснилось. Теперь он все понимал. Приезжающие иностранцы не могли открывать в Америке счета на крупные суммы. По американским законам иностранцы не могли ввозить более десяти тысяч долларов наличными, и это обязательство отражалось в таможенной декларации. Для подобных сделок формально нужны были работающие в стране и уже получившие вид на жительство. Конечно, можно было открыть счет с менее крупной суммой – для этого достаточно было тысячи или полутора тысяч долларов. Но перевод денег все равно контролировался банками, а люди типа Капустина или Багирова привыкли иметь дело с наличными долларами.

– Значит, и мы можем иногда пригодиться, – хозяин дома не сводил глаз с пришедшего гостя, – а почему он не позвонил мне?

– Он не будет звонить, – твердо ответил Дронго, – и не будет говорить ни на какие темы. Все телефоны прослушиваются. И, кроме того, кто-то из переехавших хочет заработать очки перед бывшей властью. И нам это ни к чему. Счета могут вполне накрыться.

– Интересно ты говоришь. А кто, по-вашему, может быть такой сукой? Я всех переехавших за последние несколько лет, кажется, наперечет могу назвать.

– Мы не знаем. Поэтому меня и прислали. И никаких звонков по телефону не будет. Все разговоры через меня, – твердо заявил Дронго. Это был самый главный момент в его «экспедиции».

– Сколько ребят приехали за последний год? – спросил Зверь у своего голубоглазого помощника.

– Из ваших шестеро, – напомнил тот.

Дронго насторожился. Впервые прозвучала эта цифра – шесть.

– А до этого сколько приехало, Валек?

– Четверо. И два года назад еще трое. Итого тринадцать.

– Неприятная цифра, – криво улыбнулся Зверь, – значит, кто-то из них решил в двойные игры поиграть.

– Нам важно вычислить этого типа, чтобы знать объем информации, который он сообщим в ФСБ, – подчеркнул Дронго.

– А это еще что такое? – удивился Капустин. – Опять переименовали?

– Федеральная служба безопасности. Теперь КГБ так называется, – пояснил Дронго.

– В который раз уже меняют. В третий или четвертый? – негромко засмеялся Капустин, внезапно бросив пристальный взгляд на гостя.

«Ах ты сукин сын, – подумал Дронго. – Так я тебе и скажу, в который раз». Нормальный человек всех переименований мог не помнить. А вот сотрудники КГБ помнили наизусть все названия.

– Не знаю, – сказал он, – не считал.

– Значит, Валек, – задумался Капустин, – проверить нужно десятерых. Кроме меня, Рябого и Сокола. Вот всех остальных и проверь. Кто решил старое вспомнить, может, и раньше стучал, нас всех позорил.

– Почему, кроме Рябого и Сокола? – Теперь была его очередь перейти в атаку. Разговаривать с Капустиным было сложно. Тот был как хороший боксер – все время держал на дистанции, а когда внезапно открывался, то наносил сильные встречные удары.

– Рябого я знаю уже много лет, – снисходительно пояснил Зверь, – он никогда стучать не будет. Сукин сын, правда, любит быть верховным вождем, но стукачом никогда. И Сокол не подходит. Он ведь с ФБР снюхался, нас всех позорит. Его бывшие хозяева обратно не возьмут, исключено.

– А может, он нарочно с ними сотрудничает, а сам по-прежнему стучит в Москву? – спросил Дронго.

– Ох какой ты подозрительно умный для курьера, – негромко проговорил Зверь, – я прямо бояться начинаю. Но, может, ты и прав. Валек, с ним тоже разберитесь. Перо в бок, и будет ангелам стучать. Такие вещи не прощаются и в другой стране.

– Уже одного так убрали, – мрачно заявил Дронго.

– Кого? – насторожился Зверь. – Кого-то из наших?

– Нет, из наших. Мы всю эту информацию получали от нашего человека в посольстве. Ему стало известно, что кто-то из переехавших собирается снова работать на прежних хозяев. Он сообщил нам об этом. А сам попытался встретиться с этим подлецом. Его застрелили прямо при встрече. Это случилось две недели назад.

Он не видел лица сидевшего сбоку голубоглазого, но заметил, как Капустин бросил быстрый взгляд на своего помощника. Очевидно, тот кивнул головой хозяину, подтверждая сказанное гостем, и Капустин немного насмешливо сказал:

– У вас, я смотрю, целая организация. Даже свои люди в посольствах сидят. Хорошо развернулся ваш шеф. Это ведь его люди убрали Борьку Лазарева в Государственной думе. Я помню, какой скандал был тогда из-за этого. А теперь прислал тебя. Я ведь сразу понял, какой из тебя курьер. Значит, ты у нас мстить приехал. Оружия у тебя действительно нет или придуряешься?

– Нет, но мне говорили, с этим здесь проблем не бывает.

– Может, и не бывает. Мы люди мирные, в такие игрушки редко играем, – неизвестно почему сказал Капустин и вдруг снова спросил: – А где была встреча в Вашингтоне?

– У гостиницы «Нью-Гэмпшир Сьюит» на Двадцать третьей улице, – быстро ответил Дронго, – полиция до сих пор ищет убийцу российского дипломата.

– Кое-что и мы слышали, – наконец сказал Зверь, – но только ты учти, искать для вас убийцу просто так мы не будем. Это не наше дело. И тем более связываться с американской полицией. А вот помочь с товарами и деньгами мы можем. Так и передай своему шефу. Мол, готовы работать – пусть присылает контракт.

– Хорошо, – поднялся Дронго, – так и передам. Спасибо за встречу.

– Ты когда домой обратно уезжаешь? – спросил Зверь.

– Через несколько дней.

– Это нормально. Будь в отеле, никуда не съезжай, – посоветовал Зверь, – вдруг понадобишься, позвоним, найдем тебя.

Дронго кивнул и, чувствуя заметное облегчение, вышел из гостиной. Его провожал до дверей голубоглазый Валек, не сказавший более ни слова. Когда гость ушел, Валек вернулся обратно в гостиную. Хозяин дома сидел в кресле, глубоко задумавшись.

– Что скажешь? – спросил он у своего помощника.

– Мелкий тип. Пытается выдать себя за авторитета, – поморщился Валек.

– Дурак ты, – без злобы заметил Зверь, – этот тип далеко пойдет. Я таких сразу чую. Есть в нем какой-то стержень. Умный он, правда, чересчур. Это ему может даже помешать. А так ничего, мужик толковый.

– Хотите принять их приглашение?

– Посмотрим, – он не любил выдавать свои мысли даже ближайшим помощникам. Именно поэтому он столько лет был авторитетом, с которым считались во всех лагерях.

– Мне проверить всех пятерых?

– Конечно, нет. Только пятерых. Тех, кто приехал в один срок вместе со мной. Один из них и будет тем, кого они ищут. Только будь осторожен. Этот сука вполне может оказаться умнее тебя.

– Значит, пятерых, – переспросил Валек, – Палач, Сокол, Клык, Генерал и Сказочник. Всех пятерых?

– Да. И будь очень осторожен, – снова напомнил хозяин дома, – они все люди известные, я в лагерях с ними много провел. Этот Павло сейчас так скурвился, а вообще неплохим парнем был. А вот Клык и Палач – те просто садисты. Просто так не остановишь. Я многие делишки их помню, о которых никто не знает. Генерал был более спокойным, всегда солидно держался кавказец этот. Может, они его ищут, просто дурака валяют, нам не говорят, что он им нужен. И насчет Сказочника проверить. Он тоже скользкий тип был. Всегда выходил сухим из воды и потом байки рассказывал. За это его и называли тогда в лагере Сказочником. Он однажды сумел с поезда уйти. А это тебе не в кино с поезда прыгать. Там такие ребята из охраны, прямо на лету сбивают. И поезда совсем для прыжков не приспособлены. Никто ему потом не верил, что он с моста прыгал. А я все своими глазами видел, но молчал. Зачем языком трепать просто так. Но для себя запомнил – отчаянный он очень. И буйный. С ним тоже нужно быть поосторожнее.

– Проверю всех пятерых, – ответил Валек, – и найду, кто из них собрался стучать. Меня не обманут, я сразу вычислю, кто из них.

– Не горячись, – насмешливо посоветовал Зверь, – эти ребята и не таким, как ты, рога обламывали.

Дронго слышал каждое его слово. Перед уходом он успел положить небольшой «жучок» под собственное кресло, и теперь, отойдя на пятьдесят метров от дома, он слышал весь разговор. Во всяком случае, теперь он точно знал, что в Борисова стреляли не люди Капустина. Заодно он узнал и кличку шестого – Сказочник. Теперь нужно было вычислить, кто из четырех встречался с Борисовым. И кто из них стрелял в сотрудника российского посольства.

На следующее утро он обнаружил ведущееся за ним наблюдение.

Глава 6

В Нью-Йорк они летели вдвоем. Важа Дадашвили и Нестор Каландадзе. В Москве они получили паспорта с американскими визами, деньги и строгие наставления от Гурама Хотивари. Последний был серьезно встревожен самой возможностью появления в Америке эмиссаров из Москвы. Он пробился в лидеры совсем недавно и еще не чувствовал себя так уверенно, как другие авторитеты. Поэтому был более осторожен и более внимателен к возможным проискам своих конкурентов и своих союзников. После трудного мира, достигнутого во многом благодаря решительным действиям Рафаэля Багирова, он по-прежнему ждал неприятностей. Два его предшественника были убиты, и он не хотел повторять их судьбу. Поэтому, получив сообщение от Генерала, он срочно переговорил с Багировым и Саркисяном. Но оба его союзника категорически отвергли саму возможность переговоров за спиной Гурама. Можно было поверить и успокоиться. А можно было проверить. И Хотивари решил все-таки послать своих людей в Америку, предварительно рассказав об этом только своим союзникам. Расчет был циничный и верный. Если его людей встретят и убьют, значит, кто-то из его «друзей» решил о чем-то договориться за его спиной. И фактически объявить войну группе Гурама Хотивари. А к такой неприятности нужно быть готовым заранее, иначе ему просто не удержаться на своем месте.

Важа Дадашвили был старым, проверенным бойцом и одним из самых близких людей Хотивари. С ним они начинали еще двенадцать лет назад в Тбилиси. А вот второй, Нестор Каландадзе, был бывшим сотрудником КГБ, которого он узнал всего несколько лет назад. Нестора тогда выкинули с работы, к власти в Грузии пришел Звиад Гамсахурдиа, и очень много бывших сотрудников КГБ оказалось без работы. Мало того, Каландадзе обвинили в причастности к апрельским событиям восьмидесят девятого в столице Грузии, когда пролилась кровь несчастных людей. И дороги назад, в Грузию, для Каландадзе уже не было. Два года назад его нашли люди Хотивари и взяли на работу руководителем частной охраны в одну из компаний, контролируемых их группой. Нестор проявил себя с самой лучшей стороны. Он был честен, а это забытое качество ценилось как никогда. Кроме того, он обладал нужным аналитическим мышлением и умел находить нестандартные решения. Лучшей кандидатуры для поездки в Америку у Хотивари не было.

Вдвоем с Важей они прекрасно дополняли друг друга, и Хотивари надеялся, что им удастся выяснить, кто именно решил выйти на связь с Генералом в Америке, предлагая непонятное сотрудничество уже отошедшему от дел вору в законе. А если это была чья-то игра, то в чьих интересах она велась и для чего. На эти вопросы посланцы тоже должны были найти ответы. Лучшим, идеальным вариантом был, конечно, захват этого неизвестного и его допрос. Важа умел допрашивать так, что развязывал языки самым стойким, самым упорным. Он обладал врожденной способностью к допросам и отличался какой-то невероятной, изощренной жестокостью.

В самолете они почти не разговаривали. Важа все время спал, на него плохо действовал утомительный перелет через Атлантику, а Нестор, наоборот, смотрел фильмы и читал газеты, устроившись в конце самолета, где разрешали курить. Лишь перед самым прибытием он сел к иллюминатору и внимательно смотрел на величественную панораму раскинувшегося внизу огромного города. Внизу мелькали какие-то многочисленные точки, и Важа, усевшийся рядом с ним, тоже выгнул голову, пытаясь разглядеть что-нибудь внизу. Они оба летели впервые в Америку, но у Нестора было большое преимущество. Он почти бегло говорил по-английски, сказывалась его прошлая работа.

Пограничный контроль иммиграционных служб они прошли довольно быстро и вскоре уже сидели в такси, направляясь к Манхэттену. Через «Интурист» им были заказаны номера в отеле «Милфорд». Хотивари платил за два номера не из щедрости. Просто верно рассчитал,

что в случае опасности один сумеет подстраховать другого или хотя бы вовремя уйти, чтобы рассказать обо всем в Москве. В отель они устроились довольно быстро, здесь не было таких утомительных заполнений анкет и регистрационных листков, как в гостиницах Москвы или Тбилиси.

Достаточно было показать копию факса, предъявить паспорт, заплатить деньги и получить ключи от двух одноместных номеров.

– Сколько времени тебе нужно для отдыха? – спросил Нестор у Важи. Он не любил своего спутника, так наглядно подтверждающего всю мерзость и неприятность его новой работы.

– Этого я сейчас не знаю, – разозлился Важа, – но после такого перелета нам нужно отдохнуть.

Он еще больше не любил прилетевшего с ним бывшего кагэбэшника. Он вообще не любил всех «мусоров» и всех «легалых». Вынужденный лететь в Америку с бывшим сотрудником КГБ, он не скрывал своего презрения, постоянно подчеркивая свою внешнюю независимость от поставленного еще в Москве старшим Нестора Каландадзе.

– Хорошо, – согласился Нестор, – но тогда завтра утром мы уедем в Балтимор. Здесь недалеко должна быть автобусная станция.

– Вот и выясни, где она находится, – разговор шел в лифте по-грузински, и стоявшая рядом с ними негритянка с удивлением смотрела на двух экспансивных иностранцев. Они вышли из лифта.

– Тогда я пойду вечером в город, – предложил Нестор.

– Оставь мне половину денег, – напомнил Важа.

Ни слова не говоря, Нестор достал пачку стодолларовых купюр и отсчитал половину, отдавая их своему спутнику. Тот взял деньги, удовлетворенно хрюкнув. И заспешил к своему номеру.

«Животное, – с ненавистью подумал Каландадзе, – настоящая скотина. Подумать только, с какими подонками я вынужден сотрудничать ради денег».

За поездку в Америку ему обещали десять тысяч долларов. И это, не считая проездных и командировочных, столь щедро выделяемых Гурамом Хотивари. Только сознание своей полной ненужности и невозможности заработать подобную сумму честным путем вынудило Нестора Каландадзе дать согласие на эту поездку.

Он зашел в свой номер, разделся, принял душ и уже затем, несколько отдохнувший и посвежевший, отправился на поиски автобусного вокзала, который находился почти рядом, буквально на расстоянии нескольких сот метров от их гостиницы. Но уже по дороге на вокзал Нестор заметил неладное. Профессиональному сотруднику КГБ, даже бывшему, невозможно не обратить внимание на слишком пристальное наблюдение со стороны постороннего лица, идущего буквально след в след. Нестор сделал контрольный круг и убедился, что незнакомец не собирается отставать. Он добросовестно обошел почти весь Автобусный порт, спрашивая о нескольких рейсах совсем в другие направления, чтобы сбить с толку своего преследователя. Незнакомец имел характерную внешность кавказского типа, и это больше всего не нравилось Каландадзе.

Теперь нужно было установить, что нужно его преследователю. Он нашел боковой туалет, расположенный в глубине здания, и быстро направился туда. К его сожалению, кроме него, там оказалось сразу несколько человек, и он быстро вышел из туалета, почти столкнувшись со своим преследователем лицом к лицу. Другой туалет был расположен в самом дальнем конце второго уровня порта, и он поспешил туда. Здесь ему повезло больше. Почти сразу из кабинки вышел какой-то пожилой темнокожий и, даже не вымыв руки, стремительно вышел из туалета, очевидно, опаздывая на свой рейс.

Он остался ждать, спрятавшись в ближней от дверей кабинке. Через минуту послышались осторожные шаги. Он узнал своего преследователя по ботинкам, на которые сразу обратил внимание. Они были какого-то буро-желтого цвета и выделялись своей яркой окраской.

«Дилетант, – с неприязнью подумал Каландадзе, – разве можно с такими ботинками еще кого-то выслеживать».

Во время его прежней работы в Комитете государственной безопасности они знали, что обувь – это первое, на что должен обращать внимание профессионал. В процессе наблюдения можно изменить внешность, быстро переодеться, сменить походку. Но, как правило, очень трудно поменять обувь, подобрав нужную по размеру, и наблюдателям приходится обращать на это внимание в первую очередь.

Он терпеливо подождал, пока незнакомец подойдет ближе к его кабинке. Наблюдатель, очевидно, боялся его потерять и поэтому очень нервничал, стараясь держаться в опасной близости. В этот раз осторожность его вообще покинула. Напуганный внезапным исчезновением Каландадзе, он решил сам проверить, в какой именно из кабинок находится его «объект». Но он успел сделать еще только три шага, как перед самым его носом дверь кабинки отворилась, и он увидел грозное лицо Нестора Каландадзе. Еще не успев ничего понять, он получил сильный удар в лицо и, испуганно охнув, прислонился к стене, с трудом удерживаясь на ногах. Следующий удар по скулам свалил его с ног. Ему просто повезло, что в туалете недавно убрали, и американские уборные даже на автобусных станциях являли собой образец чистоты и медицинской стерильности. Хотя, справедливости ради, стоит отметить, что как раз в этом порту туалеты были самыми грязными по всей стране. Плюс еще, возможно, похожие уборные комнаты в Лос-Анджелесе. Но лежавшему на полу от этого было совсем не легче. Нестор наклонился над ним и быстро достал оружие из кармана. Затем, сильным рывком подняв своего преследователя, все еще не пришедшего в себя, втолкнул его в свою прежнюю кабинку и закрыл дверь. После чего сунул дуло пистолета прямо в нос обладателя грязных ботинок.

– Быстро, – сказал он по-русски, почти не сомневаясь, что его понимают, – зачем ты следил за мной?

Пострадавший от неожиданности что-то жалобно промычал.

– Я сказал быстро, – дуло пистолета уперлось почти в самую ноздрю преследующего. Такие вещи впечатляют.

– Мне приказали, – сумел выдать несчастный, чуть отдышавшись.

– Кто?

На колебание не оставалось времени. Пистолет больно давил на нос, расширяя ноздрю до возможных пределов.

– Больно, – простонал незнакомец, – меня послали по приказу Аветисова.

– Кто такой Аветисов?

– Руководитель наших людей в Лос-Анджелесе. Ему стало известно, что вы сегодня прилетаете в Нью-Йорк, и он послал нас встретить и проследить, с кем вы будете разговаривать. Больше ничего, клянусь. Уберите пистолет.

– Откуда он узнал о нашем прибытии?

– Ему позвонили из Москвы. Кажется, какой-то банкир.

– Фамилию знаешь?

– Нет, уберите пистолет.

– А название банка?

– «Кон... Континенталь-банк», – выдал незнакомец.

Нестор чуть ослабил давление. Работа в КГБ научила его обращать внимание на каждое слово допрашиваемого.

– Ты сказал – «нас». Сколько вас человек?

– Двое. Честное слово, двое. Я и мой напарник.

– Где он сейчас?

– В вашей гостинице. «Пасет» твоего напарника.

Нестор убрал наконец пистолет. Все было ясно. Саркисян тоже не особенно доверял своим союзникам и решил на всякий случай подстраховаться, выяснив, с кем именно будут встречаться посланцы Гурама Хотивари. Незнакомец, похоже, говорил правду, в их задачу не входило устранение нежелательных гостей. Они должны были только следить за прибывшими. На роль ликвидаторов, даже при наличии оружия, они явно не подходили.

– Как тебя зовут? – спросил вдруг Каландадзе.

– Карен.

– Мой тебе совет, Карен, не попадайся мне больше на глаза. А оружие свое заberi. И лучше не носи его в городе. Разрешения на его хранение и ношение у тебя, конечно, нет, а здесь законы строгие – посадят, даже моргнуть не успеешь. Представляешь, что могло быть, если бы на моем месте был какой-нибудь американский полицейский?

– Ничего не могло быть, – спокойно ответил, вытерев нос, Карен, – у нас куплена вся полиция, меня бы сразу отпустили.

– Ладно, – Нестор достал из пистолета обойму и протянул оружие своему преследователю, – возьми свою «пушку» и в любом случае постарайся мне больше не попадаться на глаза. Иначе в следующий раз патроны из обоймы попадут в другое место.

– Дурак ты, – получив обратно пистолет, сразу успокоился Карен, – у нас ведь приказ был только следить за вами. А ты сразу бросился на меня. Теперь, если мне прикажут убить тебя, я это сделаю с большим удовольствием.

– Договорились, только и ты постарайся мне больше не попадаться на глаза, – деловито согласился Нестор.

Он вышел из туалета и, уже не оглядываясь, зашагал к эскалатору, ведущему на второй этаж. Конечно, он понимал, что наблюдатели так просто не исчезнут, но ему важно было подтвердить свои догадки. Если Саркисян действительно подозревает своих союзников в двойной игре, он пришлет только наблюдателей, но, если он сам ведет такую игру, в дело вступят ликвидаторы.

Бывший сотрудник КГБ, он хорошо умел просчитывать все возможные варианты и понимал всю сложность их миссии в Америке. Главное было встретиться с Генералом в Балтиморе и уже вместе с ним разработать дальнейшую часть операции с последующим обязательным выходом на прибывшего из России связного. Самым важным был вопрос – кто и зачем решил искать контакты с осевшими в Америке авторитетами. Причем, если попытаться вскрыть глубинный характер мыслей самого Гурама Хотивари, суметь разобраться в сложных мотивах его поступков, то, просеяв все его мысли, можно было прочесть одну – главную. Против кого будет направлен новый союз – вот единственный вопрос, который волновал Гурама Хотивари. И это было самым важным и самым страшным в его нелегком «бизнесе».

Нестор часто задавал себе вопрос – что именно связывает его с этими людьми, и никогда не находил ответа. Правда, он помнил, что дома, в Тбилиси, живут старые родители, которые нуждаются в его помощи, а в Москве в однокомнатной квартире его ждут супруга и маленький сын, ради которых он, собственно, и согласился работать с людьми Гурама Хотивари. Выбраться из того положения, в которое он попал, не имея работы, денег и квартиры в Москве, было очень сложно, если не невозможно. Приходилось задавать себе проклятые вопросы и мучительно размышлять в поисках выхода, которого не было. Эта работа противоречила всему укладу его прежней жизни, всем его убеждениям, выработанному годами моральному кодексу собственного поведения. Она противоречила самой его сущности некогда порядочного человека. Но других выходов не существовало. Трижды он пытался вернуться на прежнюю работу в Грузию и трижды получал вежливый, но твердый отказ. По непонятной логике в стране, руководимой бывшим министром внутренних дел и бывшим членом Политбюро, бывшие сотруд-

ники КГБ и МВД считались не совсем лояльными и надежными гражданами, а бывшие авторитеты, наоборот, считались вполне достойными людьми и даже избирались в парламент. Почти кафкианская ситуация с перевоплощениями проходила повсеместно, по всей территории бывшего СССР с разными вариациями.

Вернувшись в гостиницу, он прошел холл, запоминая всех сидевших вокруг людей, один из которых должен был быть спутником Карена. Затем, поднявшись в лифте, он долго стоял в коридоре, ожидая второго незнакомца. Все было спокойно. Подумав немного, он подошел к номеру Важи и несильно постучал. За дверью была тишина. Он постучал сильнее. По-прежнему никто не ответил. Поколебавшись немного, он пошел к своему номеру. Важа мог заснуть так крепко, что не услышал Нестора, или просто не захотел открывать. Второй вариант был даже более возможен. Подумав немного, он все-таки решил позвонить в номер Дадашвили. Телефон не отвечал. Он впервые начал нервничать и, подумав немного, все-таки решил проверить. Достав из чемодана несколько универсальных отмычек, сделанных по заказу людьми Хотивари, он вышел из номера и, оглядевшись, начал осторожно открывать дверь. Конечно, Дадашвили это может не понравиться, но времени на другие действия просто не оставалось. Замок был довольно простой, и он быстро с ним справился. В комнате было тихо. На кровати никого не было. Более того, она была даже не раскрыта. Успокоившись, он повернулся, чтобы выйти, когда заметил чуть приоткрытую дверь в ванную. Что-то ему не понравилось. Или это была наработанная годами интуиция? Он подошел к ванной комнате. Открыл дверь. В луже собственной крови прямо в ванной лежал зарезанный Важа Дадашвили. Убийца полоснул его по шее, и на зеркале перед умывальником еще были видны наспех затертые следы брызнувшей туда крови. Нестор обернулся и в этот момент услышал чьи-то осторожные шаги.

Глава 7

В Нью-Йорке трудно найти человека. Здесь легко затеряться и исчезнуть, не оставив после себя никаких следов. В этом городе, вернее, целом конгломерате городов, называемых Манхэттен и Бронкс, Куинс и Бруклин и объединенных почему-то общим названием Нью-Йорк, можно жить всю жизнь, не встретив знакомого человека. Население этого мегагорода превышает население многих стран и представляет собой наиболее точный срез всего человеческого общества. Здесь представлены все расы и все народы, населяющие весь земной шар. Здесь можно услышать любую речь и увидеть любые типы людей, здесь можно жить, но трудно выжить, здесь можно умереть и можно прославиться. Здесь не любят неудачников и заряжаются на успех. Это столица постиндустриального мира с его тысячами уже решенных и миллионами нерешенных проблем. Это город, который никто не любит, но каждый из живущих в нем людей мечтает о безответной любви города к самому себе.

Дронго заметил ведущееся за собой наблюдение почти сразу. Оставалось только проверить, сколько конкретно человек прикреплено к нему в качестве наблюдателей. Достаточно быстро, уже к середине дня, выявил двоих – довольно неумелых полулюбителей, пытающихся «вести» его по всему городу. Один из них был высокий темнокожий парень, все время пытавшийся вырваться вперед наблюдаемого объекта. Второй был поменьше ростом, коренастый, плотный, судя по типу лица – потомок латиноамериканцев, уже успевший ассимилироваться в Америке. Это его смутило. Своих наблюдателей он представлял совсем не такими. Это не были люди ФБР, в этом он нисколько не сомневался. Но это не могли быть и представители Рябого, иначе приходилось допускать, что на русскую мафию работают и такие американцы, а это было не совсем правильно. Несмотря на устрашающие размеры роста и довольно мощную финансовую базу, так называемая «русская мафия» еще не сумела стать объединением всех живущих в Америке русскоязычных американцев, не говоря уже о представителях других национальных меньшинств. В нее входили представители русской и кавказской мафий, объединенных под общим названием «русская мафия». В нее иногда даже входили русскоязычные евреи, уже имеющие в Америке супергрозную «еврейскую мафию», но предпочитающие работать совместно со своими бывшими соотечественниками. Независимо от национальности всех переехавших из бывшего Советского Союза объединяли предельный цинизм, крайняя неразборчивость в средствах при достижении целей, непонятная жестокость и ненависть к окружающим. Уже успевшие вписаться в американскую систему «итальянская», «еврейская», «латиноамериканская» (здесь были свои различные группировки), «негритянская» мафии с нарастающим раздражением следили за вызывающим поведением новой мафии, кажется, не признающей никаких правил, кроме универсального закона собственной выгоды.

Теперь нужно было выяснить, кто именно решил прикрепить к нему эту странную парочку. Либо Рябой, но тогда здесь должен был появиться и сам Цапля, либо Зверь, но тогда было непонятно, зачем это понадобилось самому Капустину. Ведь он точно знал, где находится вышедший с ним на связь посланец из Москвы, и мог при необходимости просто позвонить по телефону, проверив, где находится приехавший Крылов.

Дронго был слишком серьезным профессионалом, чтобы с ним могли справиться несколько прикрепленных к нему людей, тем более двое, даже если они имели профессиональную подготовку почти такую же, как у их преследуемого. Чтобы «вести» квалифицированно и профессионально объект в таком городе, как Нью-Йорк, нужно как минимум человек двадцать – двадцать пять, при этом задействовав всю имеющуюся в наличии технику и средства специальной связи. Да и то без особых шансов на успех такое могли позволить себе только государственные структуры, у действовавших в одиночку дилетантов шансы были только в кинофильмах или в книгах о тупых шпионах.

Он специально проверил несколько раз – кроме этих, похоже, никого больше не было. Это удивляло и настораживало одновременно. Приходилось проводить специальную проверку. Встав рано утром, почти в половине седьмого, он вышел из отеля, обратив внимание на автомобиль с сидевшим в нем темнокожим парнем. Тот стоял прямо на Сорок восьмой улице с таким расчетом, чтобы видеть всех выходящих из четырех дверей отеля.

Видимо, прождав всю ночь, его преследователь заснул за рулем, и Дронго, подойдя к автомобилю, не мог удержаться от улыбки – настолько комичной и нелепой была сама ситуация. Постучав в стекло, он добился желаемого эффекта. Парень открыл глаза и, увидев лицо своего объекта за стеклом, сначала даже не сообразил, что происходит, решив, что Дронго ему просто мерещится. Но тот сразу развеял остатки его сонных воспоминаний.

– Простите, мистер, – вполне невинным голосом сказал Дронго, – вы не могли бы мне подсказать, где находится отель «Картер»? – Это был известный своей мрачной репутацией отель, в котором обычно собирались наркоманы и проститутки. Отель был одним из самых дешевых в этой части Манхэттена, всего за сорок девять долларов плюс такс здесь можно было снять вполне неплохой номер, в котором можно было провести всю ночь или весь день на выбор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.